

«Атмосферный, мастерски
написанный роман. От этой
истории невозможно
оторваться!»

Libération

Вилмош Кондор

Publishers Weekly:

«Блестящий образец жанра
криминального
детектива»

**БУДАПЕШТСКИЙ
НУАР**

Жорж Сименон нашего времени!

Вилмош Кондор

Будапештский нуар

Серия «Детективы Вилмоша Кондора»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51609784

*Будапештский нуар:
ISBN 978-5-00108-643-7*

Аннотация

Загадочное убийство молодой девушки никак не выходит из головы Жигмонда. Будучи репортером уголовной хроники, он видел тысячи убийств... Но это... Оно поражает не только своей жестокостью, здесь кроется что-то большее, чем обычное преступление.

Почему полиция прилагает все силы, чтобы закрыть дело? Что заставило девушку из порядочной семьи стать проституткой? И кто охотится за самим Жигмондом?

Сумеет ли репортер-сыщик раскрыть тайну и остаться в живых?

Читайте криминальный роман венгерского писателя Вилмоша Кондора, наполненный напряженной и захватывающей интригой, которая не отпустит вас до последней строчки.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	43
Глава 4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Вилмош Кондор

Будапештский нуар

О, будь милосердным ко мне, ибо Тебя одного я могу назвать отцом своим, ибо нет более на этой земле надо мной отцовской опеки. Без воли Твоей ни одно облако не затмит небосвод, без воли Твоей быстролетная молния не сверкнет в облаках. Без согласия Твоего вихрь не вырвет ни единого цветка. Коли не будет воли Твоей, ничто не причинит вреда этому беззащитному ласточкиному гнезду под крышей. Чего мне бояться, коли Ты со мной?

**ОТРЫВОК ИЗ ЖЕНСКОГО ЕВРЕЙСКОГО
МОЛИТВЕННИКА «МИРИАМ» В ИЗДАНИИ «ЙОШ
ШЛЕЗИНГЕР»**

**АВТОР: ДОКТОР АРНОЛЬД КИШШИ
БУДАПЕШТ, 1904 ГОД**

© 2012, 2017 Kondor Vilmos

Published by arrangement with Sárközy & Halmos Literary
Agency

© Л. В. Кулагова, перевод на русский язык, 2020

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2020

Глава 1

Когда кофейню «Балатон» наконец-то открыли после длительного ремонта, кофе стали подавать сразу с сахаром, если гости не успевали предупредить об обратном. Гордон постоянно об этом забывал, как, собственно, и сейчас. Поэтому он махнул рукой, выпил черный кофе с сахаром, сложил газету «Пештский дневник», встал из-за стола, расплатился, поднял воротник и вышел на проспект Ракоци. Затем посмотрел в направлении площади Луизы Блахи, увидел вдалеке неоновые огни редакции, достал сигарету и закурил.

Неподалеку взволнованно горланил мальчишка-газетчик. Прохожие выхватывали вечернюю прессу у него из рук, а полученные монетки оттягивали его карманы все ниже и ниже.

Гордон направился к мосту Елизаветы. По пути он быстро оглядывал витрины, едва обращал внимание на сигналившие автомобили. То и дело к нему приставали оборванцы, пытались втюхать шелковые чулки, а девушки липли с обещаниями доставить незабываемое удовольствие. Но Гордон шел не останавливаясь. Он выкинул окурок, взглянул на часы – если поспешит, еще успеет на площадь Франца Иосифа. Гордон, конечно, мог бы сесть на автобус, но он, сам того не подозревая, любил вечернюю суету и всеобщее оживление.

В начале кольцевого проспекта Карла во все горло орал другой мальчишка. Гордон удивлялся, как они еще не охрип-

нут. На секунду он задумался, не пьют ли они сырые яйца, прям как оперные певцы, но тут же отогнал от себя эту мысль. Любопытно, конечно, но не настолько, чтобы спрашивать, хотя случай подворачивался, и не раз.

– Гёмбёш умер! Умер премьер-министр! Тело доставят из Германии на поезде! Гёмбёш умер! Правительство провело кризисное заседание! – кричал розовощекий мальчишка лет четырнадцати в шапке набекрень.

– Газета «Эшт»! Гёмбёш умер! – продолжал вопить мальчик, а увидев Гордона, бросился размахивать перед ним газетой: – Самые свежие новости от «Эшт». Умер премьер-министр! Уважаемый господин, возьмите газетку.¹

Гордон только покачал головой.

– Спасибо, дружок, не надо. Знаю, что премьер-министр умер, – произнес он и прошел мимо. «Я сам пишу эти новости, – добавил мужчина про себя, – если уж новости позволяют себя писать».

За площадью Аппони Гордон резко свернул направо, на улицу Варошхаз, сравнительная тишина и спокойствие которой показались ему очень кстати. Никаких подвижек в деле Роны... А дело ни на минуту не выходило из головы. Невозможно было поверить, что обвинения против этого человека справедливы. Сутки напролет Гордон работал над делом, говорил или, по крайней мере, пытался говорить о нем со

¹ В переводе с венгерского означает «вечер»; венгерская ежедневная газета, выпускавшаяся с 1914 по 1939 год (*здесь и далее примеч. пер.*).

всеми, кто мог хоть как-то быть связан с Роной, но каждый раз оказывался в тупике.

Он пересек безлюдную, мокрую от дождя площадь Елизаветы, а когда свернул на проспект Иштвана Тисы, ледяной ветер с Дуная чуть не сорвал с него шляпу. Непривычный октябрьский холодок заставил Гордона поежиться. Утром казалось, что будет теплее, поэтому ни шарфа, ни перчаток он с собой не взял, а за неимением теплого пальто, как мог, закутался в реглан.

Перед зданием Главного управления полиции стоял постовой. Он кивнул, увидев Гордона, который уже привык заходить в здание по адресу улица Зрини, дом 4 через новый, предназначенный для детективов вход. Жигмонда Гордона знали все дежурные офицеры без исключения, так что вход в управление для него был свободный. В этот вечер на смене был молодой человек, который по непонятной причине всегда приветствовал его чрезмерно почтительно.

– Добрый вечер, господин репортер! – поздоровался парень, Гордон лишь кивнул в ответ, и уже направился к лестнице, но дежурный его снова окликнул:

– Если вы ищете инспектора уголовно-сыскной группы господина Геллерта, должен вам сообщить, что в настоящий момент его нет на месте. Он срочно отбыл на совещание.

– Ничего страшного, приятель, подожду в кабинете. – Гордон положил руку на перила, но молодой человек не собирался его отпускать.

– Ведь премьер-министр Гёмбёш умер... – Дежурный хотел было продолжить, но вовремя опомнился: – Но, конечно, вы уже имеете честь это знать.

– Знаю, приятель, – ответил Гордон и поторопился на третий этаж.

Оказавшись в коридоре, он повернул направо, остановился у последней двери слева. Постучался. А вдруг!.. Ответа не последовало. Тогда Жигмонд приоткрыл дверь кабинета Владимира Геллерта. Кабинет ведущего инспектора уголовно-сыскной группы оказался пуст, и лишь одинокая настольная лампа освещала комнату. Гордон прикрыл за собой дверь и подошел к окну. Геллерт пользовался особыми привилегиями: окна его кабинета выходили на Дунай, чего был удостоен далеко не каждый. Гордон закурил, выглянул в окно и увидел подсвеченный Цепной мост, Будайскую крепость, плывущие по Дунаю кораблики, пришвартованные катера, плетущиеся со скоростью черепахи буксирные суда.

Гордон потушил сигарету и уселся в одно из двух кресел напротив письменного стола. Достал записную книжку, чтобы пробежаться по вопросам, которые хотел уточнить у Геллерта. Еще в понедельник, когда они разговаривали по телефону, он попросил помощи в получении доступа к некоторой информации, связанной с Роной. По сути, Гордон уже ничем не мог помочь, так как слушание по делу Эрнё Роны началось еще в первой половине дня, но, несмотря на это, он считал своим долгом раскрыть дело услужливого детектива.

В городе развелось множество валютных спекулянтов, пытавшихся получить прибыль от изменения валютного курса, частенько им даже удавалось сорвать большой куш. Шайка выбрала самый простой способ: люди Иштвана Сёрчеи выдавали себя за детективов, а затем попросту изымали деньги у спекулянтов. Однажды биржевой маклер Арнольд Бонди заглянул в офис Роны и пожаловался, что его обчистили на пять тысяч пенгё. Рона собаку съел на делах о мошенниках и карточных жуликах, так что сразу достал фотографию мужчины по имени Дюла Грос, которого они с коллегами уже некоторое время выслеживали как раз в связи с делами псевдетективов. Только вот Бонди преступника не опознал. Тогда Рона предложил написать заявление, Бонди так и поступил, а потом пострадавший ²принялся без устали надоедать следователю, пытаясь выяснить, как обстоят дела. И когда Рона сообщил, что дело еще на рассмотрении, Бонди вышел из офиса вне себя от ярости, а через пару дней составил у адвоката донос на Рону, согласно которому детектив принял от него сто пятьдесят пенгё для того, чтобы в обмен на эти деньги получить от псевдетективов те самые пять тысяч. По этому делу объявили следствие, и как раз этим утром провели первое заседание.

Рона разве дурак – ради ста пятидесяти пенгё ставить на карту свою карьеру и пенсию? Дело нечисто, все отрицали

² Пенгё – венгерская валюта в период с 1927 по 1946 год, разменная монета – филлер.

виновность Роны. Только Бонди и его сообщники продолжали настаивать, что подкупили детектива. Владимир Геллерт был одним из руководителей пятой уголовно-сыскной группы. Рона же работал в четвертой группе по делам о воровстве, мошенничестве и тому подобным преступлениям. Они знали друг друга очень хорошо, но друзьями их назвать было сложно, тем не менее каждый из них всегда был готов оказать коллеге помощь. Так что Геллерт обязательно поможет Роне. Пусть даже просто подскажет, с чего начать поиски. А если нет, это тоже будет кое о чем говорить, возможно даже о чем-то большем.

Гордон поднялся с кресла. Настенные часы пробили девять. На столе, как всегда, царил безупречный порядок. Слева в стопке аккуратно сложены акты неоконченных дел, посередине стола – исписанный календарь с плотным графиком детектива, а справа – отодвинутая в сторону пишущая машинка. Перед календарем – бронзовая чернильница в стиле модерн, перед ней – перо, наконечники – в отдельной коробочке. Геллерт не раз говорил, что к пишущей машинке он еще кое-как привык, но вот с перьевой ручкой сдружиться ему так и не удалось.

Гордон же не имел ничего против перьевой ручки, хотя считал перо устаревшим, отжившим свой век изобретением. Он положил записную книжку на угол стола и собрался набросать парочку вопросов, как вдруг резко выпрямился. С таким же успехом он может сесть за стол, тем более что он

так уже не раз делал, когда приходилось ждать Геллерта. Гордон обошел стол и уселся в кресло, попытался придвинуть его ближе к столу, но что-то мешало. Кресло за что-то зацепилось. Гордон посмотрел вниз и заметил, что кресло зацепилось за незадвинутый ящик стола. Мужчина покачал головой. Вот так дельце! За последние пять лет он довольно хорошо узнал Геллерта, и тот еще ни разу не оставлял ящики открытыми. Напротив, он всегда тщательно закрывал их, а ключ прятал в карман жилета. Гордон продолжал сидеть, задумчиво глядя на выдвинутый ящик. Затем соскользнул на стуле чуть ниже. На дне ящика он увидел досье, без какой-либо пометки, самое обычное полицейское досье, строка для заголовка на титульном листе была оставлена пустой. Из-под него торчал уголок фотографии.

Гордон какое-то время неподвижно просидел в тишине, рассматривая ящик, досье и уголок фотографии. Потом закурил. Выбросил спичку в пепельницу, затянулся и выпустил дым, не отводя глаз от ящика. Положил сигарету на край мраморного блюда, потянулся к ящику, вытащил его ровно настолько, чтобы можно было приоткрыть обложку. Затем он снова взял сигарету. Затянулся, достал досье из ящика, положил перед собой на стол и открыл. Он не ошибся. Внутри не было ничего, кроме двух фотографий. На верхней была изображена молодая девушка. Она стояла у покрытого скатертью стола на фоне тяжелых занавесок. Выражение ее лица было грустное и дерзкое одновременно. «Нравлюсь те-

бе? – говорил взгляд девушки. – Знаю, что нравлюсь, я всем нравлюсь».

Гордон склонился над фотографией. На девушке, кроме улыбки, ничего не было. Вот она стоит перед ним, такая легкомысленная, с похотливым и грустным взглядом в светлых глазах, длинноногая, с чересчур полной и округлой грудью, узкими бедрами, темными, слегка выющимися волосами, спадающими на плечи. Гордон пристально изучал взгляд девушки. Он вдруг понял, что в ее глазах читается не дерзость, а упрямство. Тело у нее безупречное, молодое и гибкое. Но нет, все же не совсем безупречное. Гордон поднял фотографию на уровень глаз, поднес к свету и внимательно осмотрел левую руку девушки. Немного ниже локтевого сгиба темнело родимое пятно. Размером с монетку в два пенгё, не больше.

Гордон отложил первую фотографию и взял вторую, тоже сделанную в студии, но совершенно в другой обстановке. На портрете в камеру смотрела та же девушка. С заколотыми волосами, серьезным выражением лица, на котором не было и следа того упрямства, разве что читалась какая-то грусть. Правильные черты, подчеркнутые брови, светлые глаза. Вторую фотографию можно было даже не рассматривать. И так ясно, что это одна и та же девушка.

Гордон взял обе фотографии, положил их обратно в досье, досье – в ящик. Встал, поправил стул и подошел к окну. Взглянул на город, затем на часы.

Он уже собирался уйти, как вдруг дверь распахнулась. Геллерт решительно вошел в кабинет. Его угрюмое лицо сейчас казалось еще более мрачным. Пиджак был помят, очки едва скрывали синяки под глазами. Каждое движение его исхудалого тела говорило об усталости. Гордон повернулся, чтобы поздороваться, но детектив поднял руку.

– Можете ничего не говорить, – как бы извиняясь, сказал Геллерт. – Знаю, что мы договорились на сегодня, но начальник доктор Ференци вызвал всех к себе.

– Завтра утром поезд с телом премьер-министра прибудет на Восточный вокзал, – кивнул Гордон.

– Честно говоря, мы рассчитывали на то, что он уйдет, особенно с тех пор, как Дарани стал заведовать делами. Правда, я скорее предполагал, что он подаст в отставку, но по сути никакой разницы.

– Разницы никакой, – отозвался Гордон.

– Допустим, план похорон премьер-министра у нас уже был, но все равно еще много чего надо подготовить, – как будто оправдывался Геллерт. – Начальник отдал приказ, чтобы каждый детектив, полицейский и жандарм вышли на службу и обеспечивали поддержание порядка во время траурного шествия на участке от Восточного вокзала до Парламента.

– Министр внутренних дел снимает запрет на массовые собрания? – спросил Гордон.

– С чего бы это?

– А разве траурная процессия и похороны – это не массовое собрание?

– Признайтесь, что шутите. – Геллерт пристально посмотрел на Гордона поверх очков.

– Шучу, – ответил тот. – Не смею вас больше задерживать. Слышали, что Турчани-Шрейбер дал показания в пользу Роны?

– А как же! Даниель – толковый и здравомыслящий парень. Когда не злится...

– Само собой. – Гордон отошел от окна. – Я так понимаю, до похорон нет смысла пытаться с вами связаться.

– Верно. – Геллерт уселся в кресло и задвинул ящик на место.

– Я потом вам позвоню. Доброй ночи!

– В соответствии с постановлением министра внутренних дел и тайного советника витязя Миклоша Козмы сегодня ночью ни один полицейский не сомкнет глаз, – отозвался Геллерт, поставив печатную машинку на календарь. Он вставил бумагу в машинку и, прищулив глаза, принялся что-то печатать. Гордон не понял, была ли это насмешка или ему показалось.

На проспекте Ракоци людей стало значительно меньше. Некоторые бары и ночные заведения уже закрылись, медленно опустели кофейни. Тем не менее Гордон заметил, что полицейских и жандармов на улице стало в разы больше, чем

обычно, они ровно выстроились вдоль дорог в преддверии долгой ночи. Проходя мимо кофейни «Балатон», он бросил взгляд на вывеску на двери: *«10 октября, в день траура по случаю смерти премьер-министра, кофейня закрыта»*. Так как Гордон все равно не успел бы выпить кофе, это объявление его мало интересовало, но он обратил внимание на то, что такие же таблички висели на каждом магазине, учреждении и кофейне.

Пустой трамвай пересек площадь Луизы Блахи. К тому времени, как Гордон добрался до редакции газеты «Эшт», в городе все стихло. Вахтер ночной смены весело помахал позднему визитеру. И если причиной его хорошего настроения была не бутылка вина, заныканная в шкафу, то, вероятно, он просто радовался смерти Гёмбёша.

– Вечер добрый, господин репортер! – Вахтер приподнял шапку, а затем, высунувшись из окошка, проводил Гордона взглядом, пока тот не исчез на верхней площадке лестницы.

В редакции, кроме дежурной машинистки, никого не было. С тех пор как Гордон устроился в «Эшт», ночью всегда дежурила Валерия. Как, собственно, и сегодня. Она сидела за столом перед машинкой, из которой торчал лист бумаги, свет лампы отражался от белесых волос, глаз ее не было видно из-за солнцезащитных очков – самого драгоценного, что было у Валерии. Она гордо показывала всем в редакции свое сокровище: очки альпиниста с кожаными шорами по сторонам, подарок, который ей привезла подружка из Швейцарии,

из Берна. Только с их помощью она могла читать при свете лампы, кроме того, солнца, как она сама утверждала, уже лет десять не видела.

«Такова судьба альбиносов, – объяснила как-то Валерия Гордону. – Но я не жалею. Здесь тихо, спокойно, а на рассвете всегда есть время немного почитать». – Валерия подняла книжку, которую держала в руке: новый том из серии детективных романов от издательства «Атенеум».

– Что такое, Жигмонд? – спросила машинистка. – Не спится? Кристина за дверь выставила?

– Утром не успею написать про цирюльника из Сентлёринцкаты, – отозвался Гордон.

– Убийца-расчленитель?

– Он самый, – с этими словами мужчина подошел к столу.

Валерия тем временем подняла тонкую книжечку на уровень солнцезащитных очков и продолжила читать. Гордон снял реглан и повесил на вешалку, шляпу бросил на стол, предварительно стряхнув с нее капли дождя. Включил лампу, установил бумагу в пишущую машинку, достал записную книжку и начал печатать:

«ВЕСТЬ О ШОКИРУЮЩЕМ ПРЕСТУПЛЕНИИ
СЕГОДНЯ ДОСТИГЛА БУДАПЕШТА.
В НАСЕЛЕННОМ ПУНКТЕ СЕНТЛЁРИНЦКАТА
ПРОИЗОШЛО ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО:
СОРОКАШЕСТИЛЕТНИЙ ПАРИКМАХЕР ФРИДЕШ
НОВОТНИ ЗАДУШИЛ ПРОЖИВАВШУЮ С НИМ

ТРИДЦАТИЛЕТНЮЮ РАЗВЕДЕННУЮ ЭРЖЕБЕТ БАРТУ. ПОСЛЕ УБИЙСТВА ПАРИКМАХЕР РАСЧЛЕНИЛ И СЖЕГ ТРУП. УБИЙСТВО ПРОИЗОШЛО В МАРТЕ, НО ОБНАРУЖИТЬ ТЕЛО УДАЛОСЬ ТОЛЬКО СЕЙЧАС, КОГДА НОВЫЕ ЖИЛЬЦЫ, ПРОМЫШЛЕННИК ЯНОШ ЗОМБОРИ С ЖЕНОЙ, ПЕРЕЕХАЛИ В ДОМ ПАРИКМАХЕРА. ЖЕНЩИНА РАЗОЖГЛА ПЕЧЬ, ЧТОБЫ ПРИГОТОВИТЬ ХЛЕБ. ОГОНЬ ПЛОХО ГОРЕЛ. ГОСПОЖА ЗОМБОРИ ВЫЧИСТИЛА ПЕЧЬ И... СДЕЛАЛА ШОКИРУЮЩЕЕ ОТКРЫТИЕ: СРЕДИ ПЕПЛА В ПЕЧИ БЫЛИ ОБНАРУЖЕНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОСТАНКИ. ОНА ТУТ ЖЕ ПОБЕЖАЛА В ПОЛИЦИЮ, ГДЕ...»

Зазвонил телефон. Гордон поднял голову, но, увидев, что Валерия взяла трубку, продолжил писать статью.

«...ЗАЯВИЛА ОБ ОТКРЫТИИ НАЧАЛЬНИКУ УЧАСТКА».

– Жигмонд!

Гордон обернулся.

– Вас к телефону.

– Кто?

– Назвался Калмаром.

Мужчина встал и поспешил к телефону.

– Как вы узнали, что я здесь? – спросил Гордон.

– Я не знал, но подумал, что попытка не пытка.

– Что случилось?

– Как обычно, дело по вашей части. Найдена девушка.

– Какая девушка?

– А вы как думаете? Мертвая!

– Вы еще кому-то о ней сообщили?

– Я всегда начинаю с вас, – ответил полицейский.

– Не сомневаюсь. Вы сейчас на месте преступления?

– Нет, я звоню из управления. Помню, вы всегда возмещали мне эти пять пенгё. Почему бы вам и сейчас это не сделать?

– Назовите адрес.

– Будете должны, Гордон. Совсем рядом с вами.

– Только не говорите, что на Большом кольцевом проспекте трамвай сбил горничную...

– Не скажу. Выйдете на улицу Надьдиофа – сразу увидите полицейских. Они стоят у тела красивой мертвой девушки.

– Отравилась спичками? Выбросилась из окна?

– Да откуда мне знать? Если хотите ее увидеть, советую поторопиться. Катафалк выехал уже минут десять назад.

Гордон накинул реглан, надел шляпу, уходя, пробормотал что-то Валерии и поспешил вниз по лестнице.

Уже через пару минут он был на улице Надьдиофа. Свернув с проспекта Ракоци, репортер сразу увидел черную машину, рядом с ней – нескольких полицейских в форме и двух полицейских в штатском. Гордон посмотрел на часы: десять с небольшим. Обычно он обходил убийства стороной. За пять лет работы в редакции газеты «Эшт» он видел их

предостаточно, и его уже мало что могло удивить. Тем не менее он спешил – Калмар позвонил сначала ему, а это значит, что завтра все газеты, так или иначе, будут писать о смерти Гёмбёша, но Гордон станет единственным, кто побывал на месте преступления, ради этого и пяти пенгё не жалко.

Будучи репортером-следователем газеты «Эшт», он знал тысячи видов насильственной смерти. Горничные пьют спички, бросаются под трамвай, парикмахеры расчленяют своих любовниц, разведенные женщины бритвой вскрывают вены, наемники сбрасываются с моста Франца Иосифа, ревнивые служащие закалывают жен мясницким ножом, дельцы избавляются от соперников выстрелом из револьвера – вариантов масса, но, по сути, все они до скуки одинаковы, ведь конец всегда один.

Гордон поспешил в подворотню, но путь ему преградил полицейский в форме. Репортер окликнул детектива Андора Штольца, который махнул полицейскому, чтобы тот пропустил прибывшего. Держа записную книжку наготове, Гордон приблизился к телу, которое напоминало выброшенную тряпичную куклу. Лицо повернуто к плечу, черные волосы рассыпаны по спине.

– Когда она умерла? – спросил Гордон.

– Еще тепленькая, – ответил Штолец. – Патологоанатом пока ее не осмотрел, но думаю, она пролежала здесь около часа. Удивительно, что нам так быстро сообщили.

– Рано или поздно сюда завернул бы жандарм или поли-

цейский и заметил бы ее.

– Возможно.

– Отчего она умерла?

Коренастый, с налитым кровью лицом детектив покачал головой:

– Гордон, да откуда мне знать? Мы две минуты назад приехали. Крови не видно.

– Это я и сам вижу. Кто она?

– Это любопытно. – Штольц засунул руки в карманы. – В сумочке мы не нашли ничего. Кроме каких-то бумажек и «Мириама».

– «Мириам»? – Гордон взглянул на детектива.

– Женский еврейский молитвенник. – Штольц полез за чем-то на заднее сиденье автомобиля, припаркованного у тротуара. – Вот он. – Детектив достал толстую книжечку в белой тканевой обложке и показал ее Гордону.

– Какие-либо заметки?

– Ничего. Несколько завернутых уголков, и все.

– Ничего, что помогло бы установить ее личность?

– В управлении гляну списки пропавших без вести, но сомневаюсь, что о ней заявляли, – устало пожал плечами детектив. – Мы сами ее только сейчас нашли. Вероятно, о ее пропаже объявят через пару дней. Однако вы не хуже меня знаете, что в столицу ежедневно прибывает не одна и даже не две девушки, из которых многие вертятся тут, в этом районе. Она будет не первой проституткой, безымянно похоро-

ненной в Будапеште.

Репортер кивнул, но подумал: «И все же это странно. Мертвая еврейка в центре города, в районе, пользующемся дурной славой».

Гордон внимательно осмотрел тело. Одну ногу девушка поджала под себя, на другой была слишком большая дешевая туфля на платформе. Юбка задралась, на коричневых чулках поехала стрелка. Из-под поношенного, но по-прежнему хорошего качества пальто торчала блузка персикового цвета.

– Одета не по сезону, – заметил Гордон.

– Скажем так: для ее профессии большего и не надо, – ответил Штольц.

Левый рукав пальто покойной задрался выше локтя. Слабое освещение не позволяло хорошо его разглядеть, поэтому Гордон наклонился ближе. Присел на корточки. Взял девушку за запястье и повернул руку к свету. Прямо под локтевым сгибом он увидел родимое пятно размером с монетку в два пенге. Внутри у Гордона что-то перевернулось, как бывает, когда внезапно о себе напоминает давно позабытый детский страх.

Жигмонд поднял взгляд на Штольца. Тот разговаривал с другим детективом, за их беседой следили еще трое полицейских в форме. Гордон засунул руку в карман, достал перьевую ручку. Осторожно коснулся ручкой волос мертвой девушки и убрал прядь с лица. Глаза ее, лишенные блеска, тусклые, были открыты. Они были зеленого цвета.

Гордон еще несколько секунд смотрел девушке в лицо, в изумрудные глаза, на бледные щеки, слегка выющиеся черные пряди. Было совсем не сложно восстановить в памяти ту упрямую, грустную улыбку, которую он видел на двух снимках.

Глава 2

Все кофейни были уже закрыты, поэтому Гордон поспешил обратно в редакцию. Валерия принялась за новый роман, а когда подняла взгляд, заметила Гордона. Он подошел к телефону и набрал номер. Пришлось прождать одиннадцать гудков.

– Ужин вечером... – начал Гордон.

– На который вы снова опоздали? Или который хотели отменить, Жигмонд? В половине одиннадцатого?

– У меня был длинный день, Кристина, простите.

– Бог вас простит, а я шею готова вам свернуть. Скажите на милость, зачем я готовлю?

– Потому что любите готовить. А я люблю, как вы готовите.

– Не все так просто, и вы это прекрасно знаете. А если хотите задобрить меня лестью, знайте, что не на ту напали.

– Думаете, я не помню, как вы скандалили? Вам я буду льстить в последнюю очередь, – ответил Гордон.

– Ладно. Если вы не льстите, что тогда?

– Прошу прощения. У меня был жуткий день.

– У вас каждый день такой.

– Кроме тех дней, когда вы рядом.

– Жигмонд, Жигмонд, уже поздно. Пёркёльт из петуха давно остыл, а у меня совершенно нет настроения вас слу-

шать.³

– Тогда и не надо.

– И не буду. Но прежде чем повешу трубку, скажу еще, что днем заходил Мор, принес новую банку варенья. Я еще не пробовала его, но выглядит оно вполне съедобным.

На этих словах Кристина бросила трубку. Гордон пожал плечами и тоже положил телефон. Он не мог понять, смотрит ли на него Валерия сквозь свои солнцезащитные очки, но подозревал, что смотрит. Кивнул в ее сторону и отправился домой.

* * *

На следующее утро Гордон рано встал и начал свой день в кофейне «Аббация».

– Доброе утро, господин репортер, – поздоровался официант и проводил посетителя к его любимому столику, положил на стол меню с завтраками, рядом – свежие лондонские и нью-йоркские газеты и поспешил на кухню. Гордон уселся в кресло; какое-то время он просто любовался оживленной площадью Октогон со всеми ее трамваями, автобусами, машинами и толпами людей.

Его нередко спрашивали, почему он так любит «Аббацию» – место, предназначенное скорее для аристократов, ко-

³ Пёркэльт – венгерское блюдо из тушеного мяса, напоминающее гуляш.

гда неподалеку, на пересечении соседней улицы и проспекта Андраши, находится кафе «Япония». Но Гордон только пожимал плечами и отвечал: «Кофе у них хороший». Но это была неправда: черный кофе в «Аббации» был так себе, да и завтрак за один пенгё и шестьдесят филлеров не особо сытный. Гордон любил кофейню за свой столик. По утрам он сидел здесь у окна, наблюдал за суматохой на Октогоне, а вечерами любовался огнями проспекта Андраши.

«Суматоха» – единственное слово, которым сегодня никак нельзя было описать Октогон. Казалось, будто сейчас воскресное утро. Громче всех гудел трамвай, машин и автобусов было значительно меньше, чем обычно. Почти все магазины закрылись, свет горел в каждом третьем кафе. От привычного потока людей ничего не осталось: на улице не было ни зевак, ни прислуги, направляющейся за покупками на рынок у площади Лёвёлде, ни чистильщиков обуви, ни шумных подростков. Все, кто тут оказывался, явно спешили по делам, шли твердой и решительной походкой.

Гордон покачал головой. Быть того не может, что все оплакивают Гёмбёша. Судьба правительства тоже вряд ли кого беспокоит, потому что в этой стране из-за правительства не беспокоятся, даже когда следовало бы. Уже около месяца все дела находились в руках Дарани, Гёмбёш остался в памяти немногих, о кризисе и речи быть не могло. Естественно, правительство подало в отставку, регент ее тут же одобрил. Это вопрос пары дней. Скоро он поручит Дарани

окончательно сформировать состав правительства.

В такие моменты Гордон совсем не жалел, что работает репортером-следователем. Политика его никогда не привлекала, а когда он задумывался о предстоящем столкновении хвалебных и гневных отзывов по поводу того, кого Дарани привлечет в правительство наряду с Партией национально-го единства, то находил всю эту заваруху просто-напросто смехотворной. Гордон был терпелив, и он прекрасно знал, что в этой молчаливой апатии был не одинок. С кем Дарани будет управлять страной – не важно, вопрос в том, какое направление он выберет. И к сожалению, Гордон видел, понимал, куда смотрит премьер-министр. Недаром Гёмбёш лечился под Мюнхеном. И в то же время Гордон знал наверняка, что сейчас вдоль маршрута траурного шествия и возле Парламента собираются толпы людей. Не каждый день все-таки в Венгрию на катафалке привозят мертвых премьер-министров после лечения за границей.⁴

Гордон взял газету «Восемь часов», пролистал и отложил ее. Газету «Пештские новости» он просмотрел так же быстро. В газете «Пештер Ллойд» он прочитал немецкие биржевые отчеты, которые лучше всего иллюстрировали ситуацию в Германии. Только тогда он заметил, что на столе уже стоит черный кофе и бриошь. Гордон позавтракал, откинувшись на спинку стула и наслаждаясь необычным видом площади

⁴ Одно из названий Партии единства – правой, консервативной партии, существовавшей в период между мировыми войнами.

Октогон. До вечера у него совершенно точно не будет ни секунды покоя. Гордон взял шляпу, сел на трамвай в направлении Берлинской площади и принялся наблюдать за устрашающе безлюдным, растворяющимся в предрассветных сумерках Большим кольцевым проспектом. Все полицейские и жандармы были выставлены на улицу для подготовки траурного шествия, аналогично и все репортеры были обязаны присутствовать на похоронах. Спортивные репортеры, репортеры рубрик криминальных новостей, биржевые корреспонденты, редакторы и студенты – сегодня все занимались Гёмбёшем. У Гордона не было права жаловаться на свое задание – пойти в Парламент, чтобы там поговорить с организаторами похорон, но только с теми, которые действительно работали, а не просто отметились в списке. На Берлинской площади Гордон пробился сквозь толпу стекающих к Западному вокзалу людей с чемоданами, сумками и корзинками и пошел в сторону проспекта Императора Вильгельма. Никогда не знаешь, что здесь может произойти, – у Западного всегда толкотня.

На проспекте Императора Вильгельма, напротив, царили тишина и покой. Процессия с телом Гёмбёша уже давно добралась до Парламента, но по маршруту ее движения по-прежнему стояли полицейские и жандармы: ровно, навывтяжку, с отсутствующим выражением на лицах.

Гордон немного прибавил шагу. Этот день ему уже изрядно надоел, к тому же он хотел вовремя прийти к Кристине.

Оставалось еще полтора часа. Если за это время не получится все выяснить, значит, оно того и не стоит.

Перед Парламентом стоял почетный караул, рядом – еще несколько полицейских, как будто кто-то боялся, что тело Гёмбёша захотят увезти напрямиком к таксидермисту. У главного входа находилась группа следователей. Гордону даже не пришлось доставать удостоверение, потому что один из детективов тут же его признал и махнул полицейскому в дверях, чтобы репортера пропустили. Тот в благодарность кивнул и зашел в здание.

В Купольном зале уже стоял катафалк. Он придавал залу особую строгость и помпезность. Гордон собрался искать ответственного за организацию церемонии, как вдруг за одной колонной увидел троих мужчин. Он сделал шаг назад и в сторону, чтобы лучше их разглядеть, но при этом остаться незамеченным. В присутствии двух мужчин не было ничего необычного. Кому-кому, а им тут самое место. Министр внутренних дел Миклош Козма, плотный, с густыми усами, зачесанными назад волосами, в простом темном костюме, он стоял напротив Тибора Ференци. Начальнику полиции Будапешта пришлось слегка наклониться, чтобы разобрать бойкую, но вместе с тем тихую речь министра. Начальник тоже был в темном костюме, седеющие волосы он зачесал назад, одну руку сунул в карман, второй поправлял платок, взгляд его, как всегда, был острый. Третий мужчина стоял спиной к Гордону, но узнать эту исхудалую, немного горбатую фи-

гуру, по обыкновению стоявшую, соединив сзади руки, не составляло труда. Пиджак у него был по-прежнему смят, а как иначе – детектив всю ночь провел на ногах.

Гордон сделал еще шаг назад и отступил в тень. А Геллерту что здесь надо? Конечно, ему положено знать подробности траурного шествия, но почему он именно тут, перед катафалком? О чем это ведущий детектив пятой группы так увлеченно беседует с министром внутренних дел и начальником полиции? С каких это пор организацию похорон поручают сотруднику уголовно-сыскной группы? Гордон огляделся в надежде увидеть Йозефа Швейницера, руководителя седьмой группы. На похоронах Гёмбёша нужно не убийства расследовать, а в лучшем случае остерегаться незначительных беспорядков, в худшем – покушений. И это дело должны были поручить группе по охране государственного правопорядка. Но Швейницера нигде не было, а по жестам мужчин Гордон догадался, что сотрудников этой группы здесь вообще нет.

Козма договорил, взглянул на Ференци, тот бросил еще пару слов Геллерту, и двое мужчин пошли к Северной переговорной. Третий развернулся, и Гордон выступил из тени.

В глазах детектива промелькнуло удивление, но оно сохранялось лишь несколько секунд. Он жестом подозвал репортера.

– Вижу, вы всю ночь не спали, – заговорил Гордон.

– Правильно видите.

– В гуще событий? Получаете приказания от самого министра внутренних дел и начальника полиции?

Геллерт промолчал, как будто и не слышал вопроса. Покопался в кармане, достал пачку сигарет, но вдруг понял, где находится, и раздраженно сунул пачку обратно в карман.

– Что вы сказали? – посмотрел он на Гордона.

– Где Швейницер?

– А я откуда знаю?

– Я полагал, что дело касается охраны правопорядка, – ответил Гордон.

– Так и есть, но дело исключительное, и... – Геллерт не закончил. – Зачем я вам это объясняю?

– Не знаю. – Гордон пожал плечами.

– Позвоните на следующей неделе, а сейчас мне пора идти.

– Позвольте задать один вопрос.

– На следующей неделе можете спрашивать о Роне сколько хотите.

– Я сейчас вовсе не о Роне.

– А о чем же?

– Вчера на улице Надьдиофа нашли тело девушки. – Гордон пристально сверлил Геллерта взглядом в надежде что-нибудь заметить. Но ничего.

– Отлично. Давненько там не находили мертвых проституток.

– С чего вы взяли, что она проститутка?

– На улице Надьдиофа? Недалеко от площади Клаузала? Будь то порядочная девушка, я бы уже давно о ней знал, не сомневайтесь. А раз я ничего не знаю, значит, это проститутка. Почему вы, собственно, меня спрашиваете?

– Это по части пятой группы. Кажется, вы являетесь ее руководителем, если мне не изменяет память.

– Во-первых, это дело не поручено моей группе, потому что в противном случае я бы знал. Во-вторых, даже если и было поручено, я бы все равно сейчас им не занимался, потому что, если вы не заметили, сегодня, в субботу, мы хорошим премьер-министра. Так что до вечера я буду занят исключительно этим, если, конечно, коммунисты вдруг не взорвут Цепной мост.

– А они хотят это сделать?

– Мне некогда, – отмахнулся Геллерт, развернулся и направился к двери, ведущей в Охотничий зал. Гордон хотел было спросить, откуда в ящике стола взялась фотография девушки, найденной мертвой, но что-то его остановило. Детектив открыл дверь, и в зале мгновенно наступила тишина. Журналист достал записную книжку и отправился на поиски организаторов похорон.

После посещения Парламента Жигмонд пошел напрямик к Кристине. На Октогоне он посмотрел на часы. Времени еще есть, можно не ехать на метро. Гордон любил гулять по вечернему проспекту Андраши. Тем более что сегодняш-

ний вечер был особенным, ведь на улице не было ни души. Мужчина поднял воротник и пошел по вымершему проспекту, прогуливаясь под сбрасывающими листву деревьями. На улице Сив он повернул направо, его шаги разносились эхом между серыми домами. Какая-то парочка обнималась в подворотне, но, увидев Гордона, они разбежались в разные стороны. На углу улицы дворник разгребал лопатой уголь. Жигмонд ему кивнул, а тот вытер пот с почерневшего лица.

Площадь Лёвёлде совершенно опустела, в домах едва наблюдались признаки жизни: кое-где в окнах мерцал свет. Ветер не колыхал кроны деревьев. Прилавки стояли пустыми, мусор вынесли, а бродячие собаки и бездомные кошки подыели все, что оставили торговцы.

Кристина жила на противоположной стороне площади, на четвертом этаже. Ворота еще были открыты, обычно дворник закрывал их после восьми. Гордон пешком поднялся на четвертый этаж, в пролете повернул направо и пошел к самой последней двери. Во внутреннем дворике царил тишина, вместо привычного галдежа детворы слышался ленивый щебет двух воробьев, «спорящих» на увядающем сумахе.

Кристина открыла дверь, уже готовая к выходу. Ей всегда удавалось найти идеальный баланс в одежде, благодаря которому она выглядела элегантно, и, что не менее важно, ей удавалось хорошо одеть Гордона, для которого мода сводилась лишь к тому, что летом нужно носить тонкое пальто, а зимой – что-нибудь потеплее. Кристина встретила его в эффектном

наряде, из-под юбки на мгновение показалась щиколотка. Девушка надела пиджак поверх блузки бледно-серого цвета, верхняя пуговица которой была расстегнута. Кристина никогда не красилась, сейчас тоже не стала этого делать. Она еще не сняла очки, которые в общественных местах никогда не носила. Говорила, что выглядит в них старше, на что Гордон уже давно привык не обращать внимания.

– Дорогая моя, я видел тридцатилетних женщин, и уж поверьте, вы выглядите моложе их лет на пять, – сказал Гордон Кристине вскоре после их знакомства.

– Меня не интересует, сколько женщин вы видели, Жигмонд, – ответила она, – избавьте меня от подробностей. Вы же сами сказали, что с этого момента в вашей жизни только одна женщина.

Гордон готов был это подтвердить, но знал, что в этом нет никакой необходимости.

Кристина надела милую шляпку на свои вьющиеся каштановые волосы до плеч, за что Гордон был искренне ей благодарен, поскольку он не выносил броские и вычурные шляпы с широкими полями.

– Ну? – спросила Кристина, когда они вошли в гостиную.

– Что ну? – переспросил Гордон.

– Вы забыли?

– Наверняка. И что же я забыл сегодня?

– Вы хотели сходить в «Занзибар». Послушать каких-то певичек из Лондона.

– Из Нью-Йорка, – поправил Гордон, кинув пальто на венский стул у кровати. Ему нравилось у Кристины, но кресел здесь явно не хватало.

Она обставила небольшую квартирку по последнему слову моды. В углу – самая обычная кровать, рядом с ней – шкаф. Перед кроватью – журнальный столик. С другой стороны кровати – комод с тремя ящиками, на нем – фарфоровая фигурка, а над ней – зеркало в длинной простой раме. Рядом на подставке стоял цветок в горшке. В квартире было всего два растения, но Гордон никак не мог запомнить их названия. На стене – одна картина, нечто абстрактное, и больше ничего. Кристина увлеклась новой модой еще в Берлине, она старательно соблюдала единообразие стиля комнаты. Гордон не раз сетовал на отсутствие кресла, но Кристину не особо интересовали его жалобы.

– У себя дома можете сколько угодно сидеть в своих протертых креслах, – заявляла девушка, на что Гордон только плечами пожимал.

Кристина, прислонившись к дверному косяку, ждала, пока мужчина выйдет из ванной. Тот умыл лицо, мокрой рукой зачесал волосы назад, поправил галстук и вернулся в комнату. Девушка сняла очки и спросила:

– Ладно, не из Лондона, а из Нью-Йорка, но все-таки кого мы будем слушать?

– Люси и Нору Морлан. Сестер Морлан, – ответил Гордон.

– И они выступают сегодня вечером. В такой день.

– Вы думаете, «Занзибар» отменит выступление певиц, за приезд которых они заплатили немалую сумму, только из-за смерти какого-то премьер-министра?

На углу улицы Сив Кристина свернула к метро, но Гордон осторожно развернул ее к Октогону.

– Дорогая, только взгляните на проспект Андраши! Когда вы еще увидите его таким спокойным? К тому же нам нужно на кольцевой проспект Марии-Терезии, думаю, вы дойдете даже на высоких каблуках.

– А вы тогда скажете, почему такой нервный?

Гордон кивнул:

– Вчера ночью на улице Надьдиофа кое-что произошло.

– Там всегда что-то происходит.

– Но это особый случай. – Гордон застегнул пальто, взял Кристину под руку и рассказал все, что происходило вчера ночью и сегодня вечером. Девушка молча выслушала и заговорила уже только на кольцевом проспекте Марии Терезии.

– И что вы собираетесь делать? – спросила она.

– Делать? Что я собираюсь делать?

– Да! Что вы собираетесь делать? Кажется, я это спросила.

– А почему я вообще должен что-то делать?

– Потому что это очень подозрительно, Жигмонд. Вы так не думаете?

– Не совсем, но кое-что не сходится.

– Не сходится? – Кристина остановилась. – Кое-что?

– Кристина, не устраивайте драму! На улице Надьдиофа

умерла девушка. Все. Это неблагополучный район.

– Спрошу иначе. Допустим, вы не нашли бы фотографию в ящике Геллерта. Вам самому не кажется странным, что недалеко от площади Клаузала найдена еврейка?

– А что странного? Там и улица Дохань рядом.⁵

– И часто вы встречались с еврейскими проститутками с улицы Дохань?

Гордон взглянул в сторону площади Луизы Блахи и вздрогнул, услышав дребезжание проезжающего мимо трамвая.

– Нечасто.

– А распутную еврейку с молитвенником в сумочке – и подавно. Чего стоит только один «Мириам»!

– Да что мне с того? Как будто я должен знать, что такое «Мириам».

– Жигмонд, вы уже пять лет назад вернулись на родину, но еще многого здесь не знаете.

– Не начинайте.

– Нет, я скажу. Здесь и сейчас. В этой стране имеет огромное значение, кто еврей, а кто нет.

– Сейчас опять начнете про свои саксонские корни и про то, что у вас в Трансильвании были друзья евреи и румыны.

Кристина отпустила руку Гордона, развернулась на углу и решительным шагом пошла в сторону Октогона. Мужчина поспешил за ней:

⁵ На улице Дохань находится синагога.

– Не сердитесь!

– Иногда вы ведете себя как дикарь, понятия не имею, как я вообще пускаю вас в свою кровать.

– В свою кровать? Это современное чудовище подарил вам я.

– Но сплю в ней я. И вы, когда не забываете обо мне.

Гордон сделал глубокий вдох. Он не хотел накалять обстановку.

– Хорошо. Не сердитесь, я виноват, потому что повел себя как дикарь. Вы правы, дело действительно кажется странным.

Кристина кивнула.

– Что вы собираетесь делать?

– Понятия не имею. Или же... – Гордон на секунду задумался. – Или же можно разыскать Фогеля. Возможно, он знает, кто сделал фотографии обнаженной девушки.

– Вы так говорите, будто я должна знать, кто такой Фогель.

– Репортер-следователь газеты «Венгрия», – ответил Гордон. – Я же показывал вам его блестящую серию статей про любовную жизнь города.

– Про Чули и его банду?

– Вот видите, все вы помните, все вы знаете...

Яркие неоновые огни «Занзибара» резко выделялись на фоне вымершего Большого кольцевого проспекта. Гордон открыл дверь, они сдали пальто в гардероб и присели за столик подальше от сцены. Бронзовые светильники на столах

горели оранжевым светом, оркестр негромко разыгрывался, готовясь к вечернему выступлению, официанты суетливо ходили с полными подносами, парочки старались уединиться, в воздухе запах сигаретного дыма перемешался с ароматами гуляша из фасоли и венского шницеля.

Гордон закурил, жестом подозвал официанта, заказал красное вино для Кристины, а себе – французский коньяк. Музыканты прекратили играть, конференсье объявил десятиминутный перерыв, после которого должно было начаться шоу с певицами из Нью-Йорка. Гости сразу же загудели, и Гордон не услышал, как Кристина к нему обратилась, потому что увлеченно прочесывал взглядом публику.

– Что вы сказали?

Та недовольно вздохнула.

– Я сказала, что у меня сегодня тоже кое-что произошло.

– И что же? – Гордон облокотился на стол.

– Я получила письмо из Лондона.

– Из Лондона.

– Да. Там говорится, что... – Она запнулась, полезла в сумочку и достала конверт. – Прочитайте.

Гордон взял конверт, вытащил из него письмо. В шапке значилось: «*Госпоже Кристине Экхардт, Будапешт*», а немного выше была нарисована какая-то глупая фигурка пингвина. Гордон пробежал глазами письмо и отдал его Кристине.

– Вы не рады? – спросила она.

- Почему же? Я рад.
- Не хотите, чтобы я уезжала?
- Я этого не говорил.
- Хотите, чтобы я осталась?
- Такого я тоже не говорил.

Кристина встряхнула волосами, посмотрела на сцену и сделала глоток вина.

– Руководитель совершенно нового английского издательства увидел ваши работы на Олимпийских играх в Берлине и решил, что вы нужны им на должности иллюстратора. – Гордон замолчал и закурил.

– Совершенно верно.

– Хорошо. Поймите меня правильно, я не издеваюсь и не веду себя как дикарь. Но объясните мне, зачем иллюстратор издательству, которое печатает книги без картинок, да еще и с одинаковой обложкой? Каждая поделена на три части, средняя белая, верхняя и нижняя какого-то другого цвета.

– Значит, вы знакомы с издательством «Пингвин».

– Знаком.

– Тогда вам следует знать, что у них не все обложки одинаковые. И я могу разработать новый дизайн.

– Было бы неплохо.

– Я хочу поехать туда только на год.

– Вы уверены?

– Помните, пару недель назад меня пригласили подготовить материал для Международного евхаристического кон-

гресса? Точнее, для одной его секции.

– Но конгресс будет только через полтора года.

– Знаю, поэтому я хочу вернуться через год. И раз уж речь зашла об этом, я предлагаю вам поехать со мной. Я должна дать ответ через неделю. Если откажусь, им придется искать кого-то другого. Но если соглашусь, вы можете поехать со мной.

– В Лондон.

– Именно.

– Я не поеду, Кристина, и вы сами это прекрасно знаете. Я не могу уехать. Из-за бабушки.

– Знаю. А мне, как вы считаете, стоит поехать?

– Раз уж это для вас так важно.

– А для вас важно, чтобы я осталась? – спросила Кристина.

– Для вас важно уехать, – ответил Гордон.

Они вышли из бара после десяти вечера. Кристине абсолютно не понравилось представление двух американских певиц, Гордон, напротив, слушал увлеченно, заметно наслаждаясь пением двух белозубых, улыбчивых женщин, прыгающих по сцене в тюлевых юбках и с большими париками на головах.

– Покажите мне это место. – Кристина сильнее укуталась в пальто.

– Какое место?

– Тело девушки. Где его нашли?

– На улице Надьдиофа.

– Это вы уже говорили, – сказала Кристина и пошла в направлении площади Луизы Блахи.

– Вы куда? – окликнул ее Гордон.

– Туда, – ответила Кристина. – Там спрошу, у каких ворот лежало тело.

Жигмонд сделал глубокий вдох, бросил недокуренную сигарету на проезжую часть и пошел за девушкой.

– Что на ней было? – спросила Кристина, когда Гордон ее догнал.

Он рассказал.

– А ногти? Руки?

Гордон начал вспоминать: руки у девушки были ухоженными, ногти аккуратно подстрижены.

– А волосы?

Тут репортер попал впросак: он думал, что Кристина спросила про прическу, но нет.

– Я имею в виду: жирные, растрепанные, крашенные?

– Нет. – Гордон покачал головой.

Девушка продолжила допрос, мужчина терпеливо отвечал, если знал, что говорить.

– Вы вообще хоть что-нибудь замечаете? – взглянула на него Кристина, когда они дошли до пересечения улицы Вешшелени и кольцевого проспекта Елизаветы. – Из вас вышел бы никудышный детектив.

Гордон не проронил ни слова, пока они не оказались на улице Надьдиофа. Он повернул у второго дома справа и остановился.

– Ее нашли здесь, – показал он Кристине.

Над ними открылось окно.

– Манци! Домой, кому сказал! – раздался пьяный крик.

– Все еще не хотите знать, как здесь оказалась проститутка-еврейка? – Кристина устремила на Гордона пристальный взгляд. – К слову, вы сами-то видели проституток-евреек? Если хотите знать мое мнение, важно не то, как она умерла, а почему девушка из порядочной еврейской семьи пошла в проститутки.

Глава 3

Утром Гордон встал, стараясь не шуметь, потому что Кристина еще спала. Он аккуратно побрился, достал из шкафа чистую рубашку, на каждом шагу проверяя, как бы случайно не наступить на скрипучую половицу. Сон у девушки был, как всегда, крепким, но мужчина не хотел рисковать.

На кухне он выдвинул стул из-за стола и сел. Взял банку варенья, которую Кристина захватила с собой вчера, снял целлофан и опустил ложку в банку. Он был готов к худшему. Мор часто портил варенье, вкусным оно получалось крайне редко. Но на этот раз содержимое банки оказалось на редкость съедобным. Только Гордон не мог понять, из чего оно было сделано, а вкус был приятный. Кажется, яблоко и крыжовник. Либо айва и шиповник. А может, айва и ревень. Или старик по-своему приготовил персик. Гордон пожал плечами и доковырял остатки. В гостиной он взял с кресла пиджак, на минуту остановился перед зеркалом в прихожей, поправил шляпу и закрыл за собой дверь.

Дворник подметал тротуар у ворот.

– Доброе утро, господин репортер! – поздоровался он, расплываясь в улыбке.

– И вам того же, Иванчик, – кивнул Гордон и пошел в сторону улицы Надьмезё. На проспекте Императора Вильгельма можно сесть на трамвай, завтракать в «Аббации» ему

все равно не хотелось. В табачном киоске Гордон купил газету «Восемь часов», сел на трамвай, сделал пересадку на площади Аппони и уже в половине девятого был в редакции, где вовсю кипела работа. Почти все пишущие машинки были заняты, сотрудники лихорадочно печатали. Гордон осмотрел помещение и поднялся этажом выше, в редакцию газеты «Венгрия». Здесь происходило то же самое. На входе сидел секретарь, который всегда все про всех знал.

– Репортер господин Фогель? – Мужчина лет пятидесяти, в полурасстегнутом пиджаке, поднял взгляд на Гордона из-за своего крошечного письменного столика. – Прошу прощения, любезнейший, даже если умрет сам папа римский или архиепископ-примас Венгрии, господин Фогель все равно будет начинать свой день с теплой бриоши и черного кофе в кофейне «Нью-Йорк». Он не завтракал там только один раз. Когда румыны захватили Будапешт. Да и то не потому, что кофейня была закрыта, знаете ли. А потому что у него не было аппетита, так он сказал.

Йенё Фогель уже доел свою бриошь и читал вчерашние французские газеты, попивая кофе. Гордон выдвинул стул и присел рядом.

– Скажите, Гордон, вас сильно тревожит гражданская война в Испании и положение абиссинцев? – Фогель опустил газету «Фигаро» на стол.

– По отдельности или вместе?

– Вместе.

– Ни капельки.

– А по отдельности?

– Зачем мне тревожиться? – ответил вопросом на вопрос Гордон. – Муссолини зачем-то понадобилась Абиссиния, и он ее получит. А если испанцы захотят друг друга поубивать, с моей стороны могут быть только возражения нравственного характера. Потому что я уж наверняка ничем не могу помочь.⁶

Фогель нахмурил брови, надвинул на лоб очки в проводочной оправе, затем принялся дергать мясистое ухо.

– Вы ведь пришли не положение абиссинцев обсуждать, – произнес Фогель.

– Нет, – ответил Гордон. – Вы хорошо знаете любовную жизнь Будапешта, Фогель.

– Допустим. – Репортер с недоверием посмотрел на Гордона.

– Я кое-кого ищу.

– А кто не ищет?

– И даже не одного человека, а двоих.

Фогель сложил руки на упитанном животе и неподвижно, равнодушно выслушал описание мертвой девушки.

– Таковую не знаю, – покачал он головой.

Гордон ничуть не удивился и продолжил:

– Кто делает фотографии обнаженных девушек?

⁶ Абиссиния – ранее одно из названий Эфиопии.

– Зачем вам это?

– Потому что я видела ее на такой фотографии.

– Кто вам эта проститутка?

– Никто.

– Тогда зачем она вам?

– Потому что этого мало для статьи. Вы читали «Восемь часов»?

Фогель медленно кивнул.

– Там о ней тоже писали. Я был на месте преступления, но этого мало. Хватит в лучшем случае на половину колонки на седьмой странице.

– А вы хотите попасть на вторую?

– Или на первую.

– Или на первую, – покачал головой Фогель. – Передовица – это передовица.

– Ну, так?..

– Я вас слушаю, – ответил тучный репортер. Проволочные дужки очков совсем разошлись у него на голове.

Гордон вздохнул.

– На следующей неделе я пойду к Геллерту, чтобы обсудить дело Роны.

– А потом расскажете мне.

Гордон на мгновение замолчал.

– Расскажу, – наконец сказал он.

Фогель подозвал официанта, заказал кофе и коньяк.

– Хотите кофе? – спросил он.

– Да, черный, – ответил Гордон.

– Немногие делают такие фотографии, – начал Фогель, – и, судя по тому, что вы мне рассказали, возможен только один вариант.

– Я вас слушаю.

– Грязный похотливый старикашка, каких свет не видел.

– Боюсь, этого маловато, – заметил Гордон.

– Его зовут Шкублич, Ижо Шкублич.

– И где обитает этот Шкублич?

– На Арадской улице, недалеко от площади Гитлера.

– Я могу на вас сослаться? – спросил Гордон.

– Можете ссылаться, но от этого будет только хуже.

Официант принес два кофе и коньяк. Гордон собрался снять пиджак, но Фогель шустро подвинул к себе чашку, вылил в нее коньяк, затем в три глотка выпил все до дна.

– Вы сейчас в редакцию? – Фогель вскочил.

– Нет, позже. Сначала взгляну на Шкублича.

– Он вам не понравится, но взгляните, раз уж так хочется.

Гордон хорошо знал кольцевую площадь Кёрёнд и ее окрестности, Мор проживал как раз по соседству. У Гордона язык не поворачивался называть Кёрёнд площадью Гитлера.⁷

– Если площадь в форме кольца, то называть ее можно не иначе, как Кёрёнд, и только, – многократно повторял он

⁷ Речь идет о площади с кольцевым движением, названной в честь Золтана Кодая (венг. Kodály körönd).

Кристине.

Это была даже не площадь. И уж тем более не площадь Адольфа Гитлера. Гордон где-то слышал, что Октагон планируют переименовать в площадь Муссолини. Репортер только покачал головой и направился в сторону Арадской улицы. Прежде чем свернуть на улицу Синеи, Гордон бросил взгляд на балконную дверь второго этажа одного из домов на Кёрёнде. Дверь была закрыта. На обратном пути проверит еще раз, к тому времени Мор уже должен вернуться домой.

Дом искать не пришлось, Гордон точно знал, о каком здании идет речь. Пятно позора Арадской улицы, шестиэтажный доходный дом с осыпающейся штукатуркой, пропахшим мочой подъездом, голодными, грязными псами, бродящими по внутреннему двору, и общим балконом. Раньше, проходя мимо этого дома, Гордон каждый раз переходил на противоположную сторону улицы.

Гордон перешагнул через лужу, вода в которой, по-видимому, служила для стирки, и отправился по лестнице на шестой этаж. На одном этаже кто-то кричал, на другом грызлись собаки, на третьем двое детей постарше избивали младшего. На шестом этаже Гордон проверил все квартиры, выходящие на общий балкон, но ни на одной двери имени Шкублича не было. В конце концов Гордон постучался в окно, из которого шел запах жарки. Женщина в платке – возраст ее было трудно определить – отодвинула занавеску.

– Что надо? – спросила она, демонстрируя беззубый рот.

– Я ищу Шкублича, – ответил Гордон.

– Ищите сколько хотите, я не знаю, кто это.

– Он, я так понимаю, живет где-то здесь.

– Я такого не знаю. – Женщина покачала головой и задвинула занавеску. Гордон полез в карман, достал монетку в два пенге и постучался еще раз.

– Что надо?

– Смотрите, что я нашел у вас под окном. – Гордон открыл ладонь и показал монетку. Женщина к ней потянулась, но Гордон отдернул руку.

– Как вы сказали? – Женщина посмотрела на него.

– Шкублич.

– А! Это совсем другое дело. Не знаю, что там у него творится, но, честно говоря, даже знать не хочу.

– Об этом я вас не спрашивал.

– Понятия не имею, что за девушки к нему ходят. То утром, то вечером.

– В какой квартире он живет?

– Видите дверь на чердак? – Женщина мотнула головой.

Гордон кивнул.

– Как откроете, сразу направо. Постучитесь.

Она просунула свою кривую руку в окно. Гордон бросил ей в ладонь монетку и пошел к двери, ведущей на чердак.

В темноте он едва мог различить дверь, она практически сливалась со стеной. Когда-то ее, видимо, покрасили под кирпич, но со временем она, собственно как и стена, покры-

лась грязью. Гордон постучал. Никакого ответа. Снова постучал. И еще раз. Тогда он начал колотить в дверь. Никакого ответа.

Он уже собирался уйти, как вдруг из темноты выступила костлявая, до жути белокожая девочка. Жирные, тонкие волосы были собраны в пучок, глаза испуганно блестели. На ней была юбка в складку, но даже она не могла скрыть тонкие как спички ноги. Белая блузка с потертой вышивкой тоже была велика, но от Гордона не ускользнула впавшая грудная клетка. Длинным пальцем девочка теребила выпавшую прядь волос, в ее глазах читался ужас.

– Пожалуйста, не шумите! – попросила девочка.

– Вы кто такая?

– Я... у господина Шкублича... секретаршей работаю, – дрожащим голосом пролепетала она.

– Почему вы тогда сидите под дверью?

– Рано пришла, – ответила девочка, – если вам известно, господина Шкублича никогда нет дома по утрам, он сейчас в купальне, я просто рано пришла.

– Когда прибыл ваш поезд?

– В шесть утра, – выпалила девочка не задумываясь, но спохватилась и, заламывая руки, продолжила: – Ой, только не говорите никому, уважаемый господин! В Дебрецене у меня ведь нет работы, поэтому я сюда приехала, мне даже еще не сделали трудовую книжку.

– Для вашей работы книжка не нужна. – Гордон присталь-

но посмотрел на девочку.

– Для того чтобы убираться, еще как нужна! – запротестовала она.

– Хорошо, дорогуша. Для этого нужна. Но поверьте мне, такая уборка до добра не доведет.

– Вы о чем?

– Да бросьте! Я не буду заявлять в полицию.

Девочка бросилась на колени, схватила Гордона за левую руку и начала ее целовать.

– Боже, храни достопочтенного господина! Боже, храни! Знаете, у нас в семье шестеро детей, я старшая и...

– Передо мной не надо отчитываться. – Гордон отдернул руку. – Я зайду попозже. После обеда. Шкублич к тому времени уже вернется?

– Мне сказали, что да...

Через пару минут Гордон уже был на Кёрёнде. Он остановился перед домом и проверил балконную дверь квартиры своего дедушки, она была открыта. В первой половине дня старик всегда бродил по рынкам в поисках фруктов, из которых, хочешь не хочешь, он обязательно сварит варенье.

Ворота были открыты, Гордон поднялся на второй этаж, приоткрыл дверь. Мор никак не мог привыкнуть к тому, что живет не в деревне, и дверь не мешало бы запирать. Судя по звукам, дедушка и сейчас возился на кухне: его добродушные ругательства смешались с грохотом посуды.

– Отлично, отлично! – просиял он при виде Гордона.

Старик вытер руки о полурасстегнутый пиджак, который еле сходиллся на его круглом животе. Гордон купил ему уже как минимум три фартука, но Мор и слышать о них не хотел. Он был чем-то похож на ветерана войны, который гордится своими ранами. Старик хотел, чтобы все знали: он готовит варенье. Он не мог бы это скрыть, даже если бы очень захотел. В седой бороде у него застревали кусочки фруктовой кожуры, а на косматых бровях оседало варившееся на данный момент варенье. Старик шел только на одну-единственную уступку: пиджак он все равно никому не разрешал с себя снимать, но зато закатывал рукава рубашки, а вместе с ней и пиджака. И это, естественно, приводило к тому, что пус-кай манжеты и не пачкались, ведь рубашки он менял каждый день, но вот рукава пиджака все равно накапливали на себе следы экспериментов предыдущих дней.

– Дорогой мой, я купил чудесный виноград на площади Лёвёлде! – улыбнулся он Гордону. – Просто восхитительный. Килограмм всего по тридцать восемь филлеров. За ревенем, правда, пришлось идти на центральный рынок, но оно того стоило, еще как стоило. Глянь только, какой хороший, стебель твердый. – Старик потянулся к одной из корзинок и достал пять огромных стеблей ревеня.

Гордон поежился – он не нравился ему даже в компоте.

– Над чем теперь трудитесь, дедушка?

– Ха! – Лицо старика прояснилось. – У самого Гурмана

нет такого рецепта. Я придумал его несколько дней назад. Виноградно-ревеневое варенье! – произнес он торжественно, затем помешал булькающую на плите смесь. – Если варенье получится, я тут же направляю рецепт в газету. Тут же!⁸

Гордон кивнул. Мор был просто одержим идеей попасть в кулинарную рубрику в воскресном выпуске газеты «Пештский дневник». Десятилетия работы врачом словно канули в Лету. У старика было много знакомых в Будапеште, и, когда после смерти жены он решил перебраться из Кестхея в столицу, он мог бы спокойно продолжить врачебную практику или же начать преподавать. Но нет. Последние годы старик посвятил тому, чтобы создать такое варенье, рецепт которого, по мнению Гурмана, будет не стыдно опубликовать.

– Ты уже попробовал варенье, которое я передал Кристи-не? – серьезно спросил старик.

– Да, и уже все съел, – ответил Гордон. – Из чего оно было? Старик только махнул рукой:

– Каштан. Но я уже понял, где ошибся. Так что, как только найду действительно хорошие каштаны, попробую еще раз.

– Но мне и так понравилось. Правда, я бы не сказал, что это каштан, но было вкусно.

– А будет еще вкуснее! – воскликнул Мор, на этих словах он открыл дверь в кладовку, достал небольшую кастрюлю и

⁸ Элек Мадяр, известный журналист, ведущий кулинарной рубрики в газете «Пештский дневник» (венг. Pesti Napló), в Венгрии известен под псевдонимом Ínyesmester, переведенным в тексте как Гурман.

гордо поставил ее на стол. Из хлебной корзинки вытащил калач, из холодильника – масло, намазал его на кусочек калача, щедро обмакнул в содержимое кастрюли и протянул гостю.

Гордон не сопротивлялся. Хотя ему очень хотелось. Он терпеть не мог кислятину, а вот старику не нравились классические вкусы, например клубника, абрикос, персик, поэтому он начал экспериментировать с экзотическими вещами. Жигмонд сделал глубокий вдох и надкусил калач. Хозяин дома наблюдал, лицо у Гордона покраснелось. Внук медленно кивнул и быстренько прожевал оставшийся кусок.

– Ну? Как? – выпытывал старик.

– Дедушка, а разве виноград не надо было очистить от косточек?

Мор с размаху ударил себя по лбу рукой:

– Чтоб его! Забыл! Совсем забыл!

– И сахар тоже, – пробурчал Гордон, но старик уже не слышал, потому что стоял у плиты и перемешивал булькающее варенье. – Дедушка, у меня вопрос, – продолжил он.

– Вопрос?

– Да.

– Что за вопрос? – спросил старик, все еще стоя спиной к Гордону.

– Позавчера на улице Надьдиофа нашли мертвую девушку. Никаких внешних повреждений на теле не обнаружено, только лицо слегка посинело. Я планирую зайти к патологоанатому, но хотел сначала у вас спросить, отчего она могла

умереть?

– Дорогой мой, ты серьезно? – Мор повернулся. – Причин столько, что все и не перечислишь. Это самоубийца?

– Не знаю.

– А зачем тебе это?

– Потому что я был на месте преступления, хочу написать об этом статью, но мне не хватает информации. Кроме того, что-то в этой истории нечисто.

– Ничего удивительного, – заметил Мор. – В этом районе немного порядочных девушек.

– Но это не обычная проститутка, а еврейка из порядочной семьи.

– Патологоанатомическим отделением по-прежнему заведует доктор Шомкути?

– Да, он.

Мор подошел к телефону и попросил соединить его с Институтом судебно-медицинской экспертизы. Через пару минут он уже говорил с заведующим.

– Вскрытие проведут вне очереди, – сообщил Мор Гордону, положив трубку.

– Не стоило, дедушка, – сказал тот. – Правда. Я просто хотел знать ваше мнение о том, из-за чего она могла умереть.

– Дорогой мой, за все время работы в газете «Эшт» ты первый раз ко мне обратился с вопросом по своей статье. Значит, тебе это важно. И вообще ты спрашиваешь глупости, потому что кому, как не тебе, знать, что если у жертвы

из груди не торчит нож или ее не вытащили прямым из Дуная, то нет смысла гадать, из-за чего она умерла. После обеда можешь идти к патологоанатому.

Тем временем начался дождь, застучал по улице тяжелыми, крупными каплями. Гордон не взял зонтик, поэтому шагал вдоль стен домов по Арадской улице очень быстро. В доме Шкублича теперь царила тишина, но вонь никуда не делась и преследовала репортера вплоть до шестого этажа. Гордон открыл дверь, ведущую на чердак, огляделся, но девочки уже нигде не было. Он постучал в дверь. Через пару секунд раздался хриплый, прокуренный голос:

– Проваливайте!

Гордон принялся колотить в дверь. Из-за нее донеслось:

– Что вам надо?

Гордон объяснил, что узнал его имя от Фогеля и что хочет поговорить. В конце концов Шкублич отворил дверь. В темном коридоре репортеру удалось разглядеть только то, что перед ним стоял старикашка с глупой козлиной бородкой. Шкублич впустил репортера. Гордон оказался в изысканно обставленной гостиной. Резная мебель, кожаные кресла, восточные ковры, хрустальная люстра, картины на стенах. Не хватало только одного – окна. Гордон начал догадываться, в какую часть здания он попал, и был совершенно уверен, что в квартире вообще нет окон, зато вполне может быть еще один выход, ведущий на чердак. Ему на секунду показалось,

что он ошибся местом. Не так он представлял себе квартиру подпольного фотографа. Как именно должна выглядеть квартира, Гордон, пожалуй, не мог бы сказать, но точно не так. Да и ничего здесь в общем-то не свидетельствовало о том, что у Шкублича в принципе имелся фотоаппарат.

– Что вам надо? – Шкублич повторил свой вопрос, глядя на Гордона в упор.

Теперь гость мог внимательно рассмотреть хозяина. Старишка носил качественный обтягивающий костюм, цепочка его карманных часов была изготовлена из золота. Руки были костлявыми, пальцы длинными, как когти у ястреба. Шкублич отращивал ногти, отчего ощущение, что Гордон говорит со старой хищной птицей, только усиливалось. У старишки были впалые глаза, обвисшие щеки, бледное и бесцветное, как пергамент, лицо. Говорил он быстро, как будто плевался словами:

– Что вам нужно? Я не собираюсь еще раз спрашивать. Мне все равно, кто вас прислал: Фогель или еще кто. Черт с ними со всеми!

Гордон на секунду наклонил голову вперед, сделал глубокий вдох и только собрался ответить, как дверь в глубине комнаты открылась и на пороге показалась костлявая девочка. Она застегивала блузку. Когда она увидела Гордона, ее глаза округлились, она развернулась и исчезла за дверью.

– Что мне надо? – спросил Гордон тихим, грозным голосом.

– Что здесь происходит – вас не касается, – заявил старик. – Так что можете уходить.

– Не уйду, пока не ответите на мой вопрос. Вы фотографировали молодую девушку лет двадцати с черными, немного кудрявыми волосами.

– Не помню.

– Неужто! – Гордон сделал шаг вперед. Старик не сдвинулся с места. – Еврейка с зелеными глазами. На левой руке большое родимое пятно.

– Не припоминаю никакой еврейки.

– Нет?

– Нет.

– А эта девушка тут что делает?

– Я делал ее портрет.

– В полный рост, в обнаженном виде?

– Это уже мое дело, как и кого я снимаю. Тем более, это даже не я решаю, а мои заказчики.

– Ваши заказчики.

– Они самые.

– Полиция нравов знает о ваших делишках?

Лицо Шкублича налилось кровью. Гордон зашел слишком далеко. Не стоило пугать старика, по крайней мере не сейчас и не таким образом. Доказательств все равно не было, и вовсе не исключено, что полиция нравов в курсе деятельности Шкублича. Чего Гордон добьется, если сходит на улицу О и напишет донос? Пока ничего. Пока сам не поймет, что

ему нужно, ничего не сможет сделать. Теперь он был совершенно уверен, что фотографии сделал этот старикашка, но вытянуть из него ничего не удастся.

– Советую вам покинуть помещение, – прошипел Шкублич.

– Я еще приду, – сказал Гордон, развернулся на каблуках и захлопнул за собой дверь.

Большой кольцевой проспект наконец-то ожил. Народа на улице было меньше, чем в обычный четверг, сегодня было относительно тихо, но тем не менее жизнь начала возвращаться в свою колею. На какое-то время, потому что сегодня в три часа дня в Купольном зале Парламента открыли катафалк с телом Гёмбёша, и до субботних похорон многие планировали прийти, чтобы почтить память премьер-министра.

Гордон сел на трамвай и отправился в редакцию, по дороге читая обзор газеты «Пештский дневник». Публика действительно могла почтить память главы правительства, только вот в Купольный зал без приглашения не попасть. Гордона обязали присутствовать на мероприятии от редакции, и это уже сейчас приводило его в ярость. Он терпеть не мог ни открытых гробов, ни мертвецов. Ясно, что это церемония прощания с премьер-министром, но репортеру становилось не по себе от одной только мысли, что ему придется стоять перед Парламентом, а затем сопровождать траурную процессию до кладбища Керепеши.

Едва Гордон зашел в кабинет редакции, как его громкими восклицаниями поприветствовал ведущий репортер рубрики криминальных новостей Иштван Лукач.

– Доброе утречко, господин репортер! Позвольте спросить, где вы, черт побери, изволили пропадать? Все в редакции без устали работают, а вы спокойно совершаете променады.

Гордон с удовольствием бы развернулся и ушел, но он решил выдержать взгляд Лукача.

– Я работал.

– Работали? – отозвался Лукач. – Говорите, работали. Над чем же это вы работали, позвольте спросить.

– Над делом детектива Роны, – ответил Гордон.

– Да кого это, боже мой, интересует? – воскликнул Лукач.

Теперь к ним повернули головы все, даже те, кто до этого яростно печатал. Если ведущего репортера разозлить, он мог выражаться так, что его ругательства граничили с богохульством.

– Ваше место здесь, а не где-то еще. Кроме того, Рона – уже вчерашняя новость. Если вы не заметили, мы работаем в ежедневной новостной газете. Нам нужны новости, Гордон, Рона уже неделю как не новость.

– В районе Терезварош нашли тело девушки. Тело еврейки.

– Еврейки? Да по мне, пусть хоть индуски! Я уже даже не спрашиваю, почему вы не согласовали это со мной. – Лу-

кач махнул рукой, его гнев начал потихоньку проходить. — А теперь садитесь, пожалуйста, за стол и составьте выборку о том, что международная пресса пишет о премьер-министре. Когда закончите, несите статью мне, и, если завтра в полдень вас не будет у катафалка, я лично отвешу вам такого пинка, что вы долетите прямиком до Гамбурга, а оттуда первым кораблем — обратно в Америку.

Гордон глубоко вздохнул и ответил на взгляд начальника молчанием. Секунд тридцать они стояли друг напротив друга. Лукач, полноватый репортер с начисто выбритым лицом и взглядом загнанного зверя, ему было уже за сорок, напротив него — засунув руки в карманы и опустив голову, Гордон с решительным взглядом. Ведущий репортер поймал взгляд подчиненного, после чего молниеносно скрылся в своем кабинете. Эту интермедию никто не заметил, у всех были дела поважнее, чем наблюдать за ними. Все и так знали, что Лукач только говорит, но никогда не осмелится накалить атмосферу, потому что ему все равно не найти репортера-следователя лучше Гордона.

Стол у Жигмонда был обложен кипами газет со всех уголков мира. Свежий выпуск газеты «Эшт» лежал прямо около пишущей машинки. Гордон открыл политический некролог. «Его заслуга в том, что мы хороним не страну», — писал заместитель главного редактора, но дальше он все-таки похвалил Гёмбёша за то, что тот не променял конституционную форму правления, возглавляемую премьер-министром,

на чуждую венграм диктатуру. Гордон отложил газету и сел в кресло. Ему достаточно было знать, в каком духе написаны статьи, которые ему предстояло разобрать.

Репортер взял из стопки верхнюю газету. Статья в «Полопо ди Рома» начиналась с того, что Гёмбёш как человек был преданным другом Италии. И, конечно же, Муссолини. И Гитлера. Газета «Таймс» писала о премьер-министре как об «одном из сильнейших людей Венгрии», формулируя это следующим образом: *«Дюла Гёмбёш, будучи приверженцем однопартийного строя, с удовольствием ввел бы в Венгрии военную организацию государства, но при этом, руководствуясь своими убеждениями, набирал бы в свою партию самых порядочных венгров, близость национальному духу пока что удержала его от решения порвать с древней венгерской конституцией»*. Гордон не уловил мысль, но на всякий случай выделил карандашом. Как сообщала консервативная газета «Морнинг пост», в Германии похороны *«используют как предлог, чтобы подчеркнуть дипломатическую и военную солидарность между Венгрией и Германией»*.

Затем Гордон принялся за французские газеты. Обзоратель «Фигаро» отмечал: *«Гёмбёш питал страстную любовь к родине. Он неустанно работал над тем, чтобы поднять отечество с колен. С Францией Гёмбёша не связывала большая дружба. Мы боимся, что дружественные отношения с Германией переживут Гёмбёша. Можно наверняка сказать, что от поведения Венгрии на международной аре-*

не не ожидается больших изменений».

Гордон взял из стопки немецкие газеты, прочитал, пододвинул к себе пишущую машинку и начал печатать: «Немецкие газеты оплакивают Дюлу Гёмбёша как ревностного венгерского патриота, государственного деятеля европейского уровня и до самого конца преданного друга национал-социалистического Германского рейха, как лучшего среди всех иностранных политиков, человека, который сумел установить политические и дружественные отношения с канцлером Гитлером и министром-президентом Герингом».

Гордон закончил после семи. Голова гудела от пустых фраз, и он уже начал жалеть, что прочитал некролог в газете «Эшт», потому что теперь видел статьи только в таком духе. Он сдал материал Лукачу, который что-то проямлил о том, чтобы Гордон все-таки пришел завтра к Парламенту. На что тот кивнул, взял пальто и шляпу.

Жигмонд только собрался идти домой, как вдруг вспомнил, что уже провели вскрытие девушки, поэтому на проспекте Ракоци он свернул в направлении площади Аппони. Снова начался дождь, над городом навис туман, но это ничуть не мешало мальчишкам-газетчикам, перекрикивая друг друга, доносить до тех, кто еще не знал, что исполняющим обязанности премьер-министра был назначен Дарани. Вот так новость! Как будто были другие претенденты! Гордон только махнул рукой.

Проходя мимо Надьдиофа, репортер не преминул заглянуть на улицу, но не смог разглядеть ничего, кроме окутанных туманом фигур. На большее он и не рассчитывал. Ему никак не удавалось выкинуть из головы образ девушки, раскинувшейся на земле, словно тряпичная кукла. Как, собственно, и фотографии, найденные в ящике у детектива Геллерта. Гордон слишком долго работал репортером-следователем, чтобы поверить в случайность.

Девушка напомнила ему о его самой первой статье, написанной для газеты «Филадельфийская венгерская газета» в декабре 1922 года. А если точнее, 23 декабря. Некая юная Маришка покончила с собой, даже мать не знала, что склонило ее к самоубийству. Девушка приняла таблетки, много. На это задание теперь уже бывший репортер Ференц Партош отправил Гордона, которому на тот момент едва исполнилось 22 года. Жигмонд, правда, не очень хотел, но главный репортер и владелец газеты Бела Грин настаивал на том, чтобы об этом написали и обязательно прямо с места событий.

Девушка жила с матерью на западе Филадельфии, и это было первое мертвое тело, которое Гордон увидел в своей жизни. Маришка полулежала на полу, у кровати, прислонив голову к изголовью (репортер никак не мог понять: дело в его разыгравшемся воображении, или обе девушки действительно лежали в одной позе). Юный Гордон, стоя в стороне, дрожащей рукой набрасывал заметки, ему не хотелось смотреть на рыдающую мать и чванливого священника Яноша Мура-

ни. Он описал что смог и в тот же день сдал статью в редакцию на 6-й Северной улице. Позже он не раз думал, что мог бы выяснить, почему Маришка все-таки покончила с собой.

По правде говоря, он не стал бы заниматься мертвой еврейкой, если бы Шкублич его так не взбесил. Конечно, передовица – тоже дело хорошее, по крайней мере он бы на какое-то время заткнул Лукачу рот. Гордон слишком давно занимался криминальными новостями, поэтому всегда мог правильно истолковать возникающее у него шестое чувство. Он даже Кристине еще не рассказывал, что в такие моменты у него что-то как будто сжималось в животе, словно давая знак: это не то, чем кажется. Сейчас с ходу он даже не мог бы сказать, когда последний раз испытывал это чувство. Очень давно. И хотя внешне все свидетельствовало против него, Лукач неспроста его хвалил.

Гордона подталкивал не процесс написания статьи, не сбор материала и вовсе не стремление докопаться до правды в ходе расследования. Он прекрасно знал, что бездарнее время просто невозможно провести. Ведущие детективы Венгрии писали о выяснении истины. Но Гордон не любил философствовать, он подозревал, что истины нет. И даже если бы он смог до нее добраться, какой от этого толк? Он даже себе не мог признать в том, что его интересовала судьба человека, конкретного человека. А смерть – это конечная точка в судьбе каждого, до нее нужно как-то дойти. Гордона же интересовал сам путь. Нельзя сказать, что Гордон любил

людей, но вот их судьбы интересовали его превыше всего.

На Музейном кольцевом проспекте он сел на пятый трамвай. «Бескар» снова поднял стоимость проезда, Гордон не успевал следить за ценами. Он протянул кондуктору один пенгё, сунул сдачу в карман и сел на холодную, скрипучую деревянную скамейку в конце вагона. На проспекте Уллёи движение было плотным. Крытые телеги, ⁹гужевые повозки, автобусы и автомобили направлялись за город. День подходил к концу.

Гордону повезло, что рядом засигналила машина, потому что, подняв взгляд, он обнаружил, что уже подъезжает к саду Орци. Мужчина вышел и в туманном свете фонарей направился к дому номер 83. Краснокирпичное здание патолого-анатомического института было ему до боли знакомо, Гордона здесь знал даже консьерж, который и в этот раз пропустил его. Репортер спустился по лестнице в подвал, где горел холодный свет. За столиком сидел доктор Пазар и ужинал. Хлеб, сало, красный лук и пиво в банке с бугельным замком. Крупный мужчина с лысым черепом жестом пригласил Гордона сесть.

– Будете?

– Я уже поел.

– Вы к кому пришли? – спросил с набитым ртом доктор, который очень нравился репортеру.

⁹ «Бескар» – предприятие, которое в те годы обеспечивало Будапешт общественным транспортом.

Пазар много лет служил врачом в Вест-Индии на пассажирском корабле, но ему надоели пассажиры, поэтому, вернувшись домой, он с радостью занял должность патологоанатома. Его не смущали даже ночные смены. Как он объяснял Гордону, «и так довольно времени проведено на жгучем солнце». Он любил тишину, покой, холодный свет и пациентов, которые наверняка раньше были капризны, но, попав сюда, переставали на что-либо жаловаться.

– К молодой девушке. Ее позавчера привезли.

– Судебно-медицинская экспертиза?

– Именно.

– Симпатичная, молодая, темноволосая?

– Так точно.

Доктор Пазар кивнул, достал портсигар, протянул Гордону и сам взял сигарету. Жигмонд любил сигареты с непонятными приправами, которые водились у патологоанатома. Репортер не раз спрашивал, откуда тот их берет, но Пазар так и не признался. Доктор затянулся, положил сигарету на пепельницу, медленно дожевал последний кусок, допил пиво и удовлетворенно откинулся на спинку стула. Поднес сигарету ко рту, вдохнул дым и резко подскочил.

– Пойдемте, посмотрим на девушку! – с этими словами он открыл дверь, Гордон проследовал за ним.

Доктор остановился посреди морга. Направо – холодильная камера, в центре – анатомический стол, за ним – несколько тележек, накрытых зелеными простынями. Пазар подо-

шел к одной из тележек, выдвинул ее и поставил под свет потолочной лампы. Включил лампу, взялся за край простыни у головы тела и откинул ее так, чтобы девушка была видна по пояс. На груди покойной виднелся разрез в форме буквы Y, а лицо было еще бледнее, чем в последний раз, когда Гордон ее видел. Глаза были закрыты, влажные волосы зачесаны назад. Руки лежали вдоль тела, так что можно было хорошо разглядеть родимое пятно. Несмотря на то что она была мертва, грудь была по-прежнему налитой, как на фотографии. Живот был плоским, и только разрез портил ее тело. Гордон был очень благодарен доктору за сигарету.

– Не знаю, кто и почему ускорил дело, даже знать не хочу, – сказал Пазар. – Рассказать или показать? – на этих словах он посмотрел на Гордона.

– Расскажите.

– Причина смерти – сильное внутреннее кровотечение, которое могло быть вызвано сильным ударом в эпигастральную область. Левая доля печени повреждена, вызванное разрывом печени кровотечение, а также образовавшаяся в результате этого сосудистая и дыхательная недостаточность стали причиной смерти, которая, по моим подсчетам, наступила через пять минут после удара.

– Проще говоря?

– Кто-то ударил ее в живот, и она умерла.

– Понятно, – кивнул Гордон. – Насколько сильным должен быть удар? Меня тоже били в живот, но я же не умер.

– Насколько? Точно сказать не могу, но бить надо сильно. Очень сильно. Все говорит о том, что, вероятно, жертва не была готова к нападению, ее застали врасплох.

– Говоря попросту, кто-то со всей дури ее треснул.

– Можно сказать и так.

– Понятно, – повторил Гордон и пошел к выходу.

Пазар накрыл тело простыней, задвинул тележку на место, выключил свет и вышел вслед за ним.

– Спасибо. – Репортер протянул доктору руку.

– Не за что, – ответил тот. – Очень жаль, должно быть, она была хорошеньким созданием.

Гордон шел очень медленно.

– Должно быть.

– Кто-то очень не хотел, чтобы она родила ребенка, – сухо заметил Пазар, – она была на четвертом месяце.

Глава 4

Гордон проснулся дома в шесть утра, Кристины рядом не было. Он встал, вышел в гостиную. Девушка над чем-то склонилась, сидя в кресле у окна. На полу валялись бумаги, на столике остывал кофе.

– Вы встали так рано, чтобы работать? – спросил Гордон.

– Проснулась и решила, что лучше уж поработаю над проектами, чем буду ворочаться в кровати, слушая ваш храп.

Гордон наклонился к ней и поцеловал.

– А мне вы сварили кофе?

– Сварила, только в «Майнл» ваш любимый кофе закончился. Поэтому я купила в «Арабс».

– Без разницы, – махнул рукой Гордон. На кухне он налил себе чашечку черного кофе, разбавил молоком и сел рядом с Кристиной.

– Вы весь день будете дома?

– Да, – кивнула она, – мне нужно закончить проекты, сегодняшний траурный день как нельзя лучше для этого подходит.

– Я скоро уже пойду, – сказал Гордон, – вся редакция будет писать о похоронах.

– Но траурная процессия начнет шествие только в одиннадцать, – заметила Кристина.

– Да, – кивнул Гордон, – как раз успею перехватить Чули.

- Того самого Чули?
- Да.
- Тогда удачи!

Редакция была совершенно пустой, если не считать дежурного. В кабинете – ни души, на столах – пишущие машинки в состоянии полного покоя, повсюду валялись заметки и стояли наполненные пепельницы. Гордон еще ни разу не видел, чтобы утром кабинет выглядел таким вымершим. Даже Лукача не оказалось на месте, хотя в другое время он обязательно был бы тут. Гордон посмотрел на часы: семь тридцать. Как раз успеет выполнить утренние планы и ровно к половине десятого прибудет к Парламенту.

Несмотря на ранний час, площадь Луизы Блахи была еще безлюднее, чем вчера. Повсюду развевались черные флаги, на проспекте Ракоци стояли полицейские, зевак или праздных бездельников нигде не было. Гордон свернул на улицу Харшфа и направился в сторону корчмы «Клещ». Дверь была едва приоткрыта, широко ее открывать не стали. В продолговатом помещении стояло всего девять столов: шесть слева и три справа. В конце зала располагался рояль, рядом с ним – барная стойка, в углу – еще одна дверь, ведущая на кухню. На столы только-только постелили чистые скатерти, стойка пустовала. Однако Гордону повезло. Слева за самым последним столиком сидел Хриплый Шаму, уже поддатый.

Этот крошечный человечек был одет в грязный пиджак, вокруг шеи у него был обмотан красный шарф, на голове набок съехала шляпа. Судя по всему, однажды ему посчастливилось побывать в Париже (как и зачем – неизвестно), с тех пор он старался соответствовать парижской моде. Шаму был членом шайки Чули, если точнее, стоял на стреме, то есть был караульным. Гордон редко с ним встречался, тем не менее Шаму почему-то боялся репортера как огня. Он всегда приветствовал его с преувеличенной вежливостью, да и болтал при нем заметно меньше, чем обычно.

Гордон подошел к стойке и громко постучал. Шаму поднял отекавшие глаза, но не узнал его. На стук, вытирая руки о передник, вышла официантка, толстая женщина лет пятидесяти с растрепанными волосами.

– Мы еще закрыты, – сказала она Гордону.

– Знаю, но боюсь, вон тот человек вот-вот помрет от жажды, – тот указал на Шаму.

– В долг не дам.

– И не надо, – ответил Гордон и бросил на стойку сорок филлеров. – На все деньги, – продолжил он, – только хорошей сливовой палинки, а не этой отравы.¹⁰

Женщина хотела что-то ответить, но передумала. Вытерла нос, достала из-под стойки бутылку, вытащила пробку и налила две стопки.

– Сдачу оставьте себе. – Гордон взял две рюмки и подсел

¹⁰ Палинка – венгерская фруктовая водка.

к Шаму, который сопел, свесив голову на грудь.

Репортер поднес рюмку к носу караульного, на что тот фыркнул, резко поднял голову и, щурясь, окинул затуманенным взглядом сначала рюмку, а затем Гордона, который опустил рюмку на стол.

Шаму недолго думал. Дрожащей рукой потянулся к рюмке и залпом выпил. Поежился. Гордон с любопытством наблюдал, как жизнь возвращается в его глаза.

– Чем могу помочь вам, господин репортер? – спросил Шаму глубоким, скрипучим как колеса телеги голосом.

– Шаму, отведите меня к Чули.

– К Чули?

– Да, к нему.

– Чули вряд ли обрадуется.

– Он вряд ли обрадуется, Шаму, если узнает, что вы меня к нему не отвели, ведь я по важному делу.

– Насколько важному?

– Очень важному, – ответил Гордон и поднялся. – Пойдемте, а то не успеем.

Сбитый с толку Шаму какое-то время размышлял, пока не решил, что хуже будет, если он не отведет Гордона к Чули. Караульный поправил шарф, застегнул пиджак, нерешительно встал на ноги и направился к выходу.

– А эту мне куда девать? – спросил Гордон, указывая на вторую рюмку. Шаму на удивление шустро вернулся к столу, опрокинул палинку и кивнул.

– Знаете, господин репортер, лучшего завтрака и представить себе нельзя.

– Как скажете.

Из «Клеща» они отправились в сторону проспекта Ракоци. Шаму шел впереди, Гордон следовал за ним. По пути караульный жестами подавал знаки своим товарищам, скрытым от взгляда репортера, мол, все в порядке, не бойся, это мой знакомый, он со мной. Гордону приходилось сильно напрягаться, чтобы разглядеть, с кем Шаму общается на этом своеобразном воровском жаргоне. Из одного окна женщина наблюдала за тем, как Шаму поглаживал левой рукой пиджак, дальше мужчина, прислонившись к стене, следил за тем, как Шаму правой рукой почесывает левую мочку уха, в другом месте подросток сверкнул глазами из подворотни, на что Шаму поправил козырек. Гордон должен был признать, что Фогель провел блестящую работу в серии своих статей. Все было именно так, как он писал. Шайка действительно пасла округу ежесекундно.

На площади Кальмана Тисы в ряд выстроились суровые, серые дома, с деревьев слезала кора, газон, если его можно было так назвать, был весь затоптанный и черный, кое-где виднелась пара кочек с травой. По брусчатке, покачиваясь из стороны в сторону, плелась телега, скрип от которой все никак не утихал: звук отражался от немых зданий и слышался повсюду. Гордон развернулся и в этот момент увидел, как Шаму активно жестикулирует, затем караульный резко при-

сел на корточки, завязал шнурки, медленно поднялся, провел рукой по лацкану пиджака, подул на ногти левой руки и вытер о штаны. Гордон ни слова из этого не понял и даже не разглядел, с кем тот так возбужденно «общается».

– Туда, он там живет. Третий этаж, первая дверь направо, – кивнул Шаму, развернулся на каблуках и непривычно быстрым шагом удалился в направлении площади Барошша. Гордон посмотрел по сторонам, но никого не увидел. На пути к дому ему пришлось обойти собачье дерьмо на траве и лошадиный навоз на брусчатке. Как только он добрался до дома, двери отворились. Гордон не видел, кто это сделал, потому что фигура находилась в тени. Репортер поднялся на третий этаж и позвонил в дверь к Чули. Спустя пару минут послышалась возня, и дверь открылась. Увидев Гордона, Чули тут же захлопнул дверь.

– Довольно уже, Чули, сами понимаете, что это бессмысленно. Вы знали, что я приду, теперь уж впустите, – громко произнес Гордон.

Тот не отозвался.

– Кстати, дом у вас неплохой, – продолжал гость. – Изнутри намного красивее, чем снаружи. Но к чему это я? Вы же не случайно сюда переехали. И соседи, наверное, в курсе, чем вы на хлеб зарабатываете. Тут такое дело, дорогой Чулика, – мне нужна одна девушка.

Гордон начал вживаться в роль:

– Хорошая деревенская потаскуха. И дайте мне пого-

рячее, а не жалкую продажную бездарность, такую, чтобы она...

Дверь неожиданно распахнулась, оттуда вытянулась рука, схватила Гордона и потащила к себе. Чули захлопнул дверь и тихим шагом направился в гостиную, гость проследовал за ним. Репортер немало повидал в жизни, но эта квартира его поразила. Он словно попал в элегантный буржуазный дом в IV районе, похожие дома стоят на площади Сервитов. Убранство дома Ижо Шкублича блекло на фоне этой квартиры. В углу стоял трехдверный шкаф в стиле необарокко, на средней дверце – вырезанный по дереву барельеф трех граций ручной работы, за двумя стеклянными дверцами – дорогой фарфор. На передней грани письменного стола, входившего в гарнитур, виднелось резное изображение крепости. «Наверное, Шюмег», – подумал Гордон. За столом – стул, похожий на трон, на персидском ковре – глубокие, мягкие кресла, круглый стол на львиных ножках. На стенах, как ни странно, висели картины и графика современных художников, на окне – тяжелая брокатель, перед ней стояла софа, на которую и уселся Чули. Несмотря на ранний час, на нем был костюм с иголки и начищенные до блеска ботинки. Гордон не мог понять: Чули то ли так рано встал, то ли вовсе не ложился. Гордону еще не приходилось встречаться с главой шайки, он только слышал, что тот похож на Сакалла Сёке.¹¹¹²

¹¹ Шюмег – венгерская крепость в одноименном городе.

¹² Сёке Сакалл – венгерский, позже американский актер, известный также как

Гордон на минуту застыл в дверях как вкопанный. На софе сидел сам Сакалл Сёке – известный комический актер. Такого, конечно, быть не могло, Гордон не верил своим глазам. Точно такая же фигура, такие же светлые волосы, такой же двойной подбородок, такая же чувственная улыбка – все как в фильмах, которые репортер смотрел, только очки другие. Вместо круглых очков в черепаховой оправе, как у Сакалла, у Чули были прямоугольные очки в проволочной оправе, которые полностью меняли его улыбку. Делали взгляд холодным, расчетливым. В глазах мужчины читалась угроза.

– Знаю, что вы человек с именем, у меня же только связи, но я требую...

– Требуете? – Гордон плюхнулся в одно из кресел на львиных ножках рядом с круглым столом, не спеша закурил. – Требуете? Любопытно. Что же вы требуете, Чули? В лучшем случае вы можете требовать адвоката. Потому что вашему бизнесу пришел конец. Посмотрим на ваши требования, когда за вами придет полиция. Потому что в этот раз вы перегнули палку.

– О чем вы? – Несмотря на свои габариты и ранний час, Чули на удивление шустро вскочил.

– О еврейской девушке, которую во вторник ночью нашли мертвой на улице Надьдиофа.

– Ничего о ней не знаю.

— Будь я на вашем месте, я бы тоже предпочел не знать, — кивнул Гордон. — Проблема в том, что все остальные знают правду: девушка числилась у вас в шайке.

Через завесу табачного дыма Гордон наблюдал, удастся ли его блеф.

— О ком вы говорите, несчастный?

— Как вижу, вы действительно ничего не знаете. — Гордон встал. — Тогда прошу прощения, видимо, я ошибся.

— Наверняка ошиблись. Спозаранку вламываетесь ко мне в квартиру, орете в коридоре, болтаете какой-то вздор.

— Еще раз прошу прощения. Я просто хотел согласовать с вами статью, прежде чем ее напишу. Знал, что вы будете отрицать, но стоило попробовать. Так и напишу, что вы отрицаете.

— Отрицаю? Что вы там пишете?

— Я думал что-то вроде: «Чули, глава шайки с улицы Харшфа, отрицает, что девушка работала на него».

— Вы не можете такое написать, потому что это неправда.

— Послушайте, я и не ждал, что вы признаетесь. Главное, что я здесь был, вы отрицали, это и напишу. Все равно это была ваша девушка.

Гордон развернулся и пошел к выходу. Сейчас или никогда.

— Полиция загребет в тюрьму на каких-то пару недель, подумаешь. Дело-то не прогорит, верно?

На лбу у Чули выступили капли пота.

– Вы сами прекрасно знаете, что тогда мне конец.

– Знаю, знаю, но ничего не могу поделать. Если бы речь шла о простой деревенской проститутке, я бы просто махнул рукой. Но речь идет о девушке из порядочной еврейской семьи. Хуже полиции может быть только мнение общественности, которая не будет благосклонной, узнав, что девушка, ко всему прочему, была еще и беременна. Отправить на улицу будущую мать? Чули, есть ли в вас хоть капля жалости? Смерть беременной женщины – это скандал, будь она даже проституткой, на которую напали в подъезде и сильным ударом в живот лишили жизни. Вскрытие показало, что смерть наступила не сразу, отчего была еще мучительнее. Как для девушки, так и для ребенка.

На лице Чули было написано все, о чем тот сейчас думал. Он быстро посчитал, поделил, умножил и понял: у него нет шансов. Гордон тем временем развернулся и снова пошел к выходу, но дойти до двери не успел – Чули его окликнул:

– Она была у меня недолго. Когда ее убили, она работала уже на других.

Гордон повернулся, сунул руки в карманы и принялся молча слушать собеседника.

– Девушку нашел Лаборант Йोजи. Еще пару месяцев назад. Своего имени она так и не назвала. Чертовски прелестное создание. Понятия не имею, как Йोजи умудрился ее заполучить. У него женщины обычно... – Чули злобно махнул рукой. – Мы не знали ни ее имени, ни того, откуда она родом.

Ничего. Только то, что она красивая, молодая и еврейка.

Чули уже успел снова сесть на софу и вытирал платком лицо.

– Она так нравилась нашим клиентам, что весть о ней разлетелась мгновенно, и однажды у меня появился господин в меховом пальто, шляпе-котелке и с тростью, он предложил поговорить. Мы поговорили. Отказать такому господину было просто невозможно. А на следующий день девушка исчезла.

– Ни с того ни с сего? Просто раз – и нет?

– Ну, – простонал Чули, – не все так просто.

– Сколько он вам заплатил?

Толстяк взглянул на Гордона:

– Вы не имеете права об этом писать.

– Вы видите у меня в руках блокнот? Ручку?

– Не напишете?

– От вас зависит. Если расскажете все, что я хочу знать, тогда не буду. Но вам лучше знать больше. Давненько я не попадал на передовицу. Слушаю.

– Пятьсот пенгё, – ответил наконец Чули.

– Пятьсот пенгё?

– Именно. Гордон, вы же знаете этих господ. Ему бы ничего не стоило отправить меня в тюрьму. Думаете, я торговался? С одной стороны, пятьсот пенгё, с другой – тюрьма.

– Рассказывайте все с самого начала, Чули. – Гордон присел, посмотрел на часы. Было девять с небольшим. Пока он

еще успевал.

– Вы сами прекрасно знаете, как это работает.

– Знаю, Чули, знаю, но хочу услышать все по порядку. Или знаете что? Я разыщу Лаборанта Йожи, и он сам мне все расскажет.

– Ищите сколько угодно, это вам не поможет. Он месяц назад скончался от туберкулеза.

– Большая потеря, – сказал Гордон, – тогда кроме вас никого не осталось.

Чули неохотно принялся рассказывать. Детективы поймали одну из женщин Лаборанта Йожи, Тецу, и посадили на две недели. Это произошло, когда Йожи почувствовал необходимость в поиске новой рабочей силы. В тот же день он изучил «рынок», то есть Большой кольцевой проспект и проспект Ракоци. Он заметил девушку с черными как смоль волосами перед витриной. Окликнул ее, пригласил на ужин и посчитал, что она ему подходит. Но неожиданно столкнулся с сопротивлением, девушка не хотела с ним идти. Пришлось ее «укротить» уже проверенным способом. Йожи оставил девушку и подошел к полицейскому. Спросил, дойдет ли он до проспекта Андраши, и между делом указал в сторону девушки. Полицейский, конечно же, посмотрел в указанном направлении, кивнул и сказал, что нужно просто идти прямо. Девушка все это увидела и испугалась, так как подумала, что говорят о ней. Йожи вернулся и сказал, что показал ее полицейскому, и теперь тот знает, кто она такая, и, если еще

хоть раз увидит ее тут, сразу арестует. Но если девушка пойдет с ним, продолжал Йожи, то он ее защитит, потому что хорошо знает полицейских, стоит ей только слово сказать, он все уладит. Девушка, естественно, поверила и присоединилась к Йожи, который на ходу объяснял, как надо вести себя на улице и что входит в ее обязанности. Обучив девушку всему, чему следовало, он доверил ее своему другу Дежю, который был постоянным караульным на Большом кольцевом проспекте и брал на себя «деликатные» поручения. Девушка переехала в квартиру Йожи, где ее зарегистрировали как прислугу. Зарабатывала она хорошо и вскоре стала популярной среди постоянных клиентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.